

Мартин Рейди

ГАБСБУРГИ

ВЛАСТЬ НАД МИРОМ

Annotation

Исчерпывающе полная история могучей династии, господствовавшей в Европе на протяжении почти тысячи лет, а также ее самобытной вселенной, которую она и создала, чтобы затем утратить на заре XX столетия. Начав скромными швабскими феодалами, в XV веке Габсбурги поставили под контроль Священную Римскую империю, а потом еще за несколько десятилетий добились владычества над огромной частью земного шара – от Венгрии, Нидерландов и Испании до Перу и Мексики. Историки часто изображают Габсбургскую империю неустойчивым государственным образованием, лоскутным одеялом, но Рейди ясно демонстрирует несгибаемую волю Габсбургов к власти, подпитываемую их верой в свое высшее предназначение – быть защитниками католической церкви, гарантами мира и покровителями просвещения. От междоусобных стычек на территории будущих швейцарских кантонов до катастрофы Первой мировой войны – эта книга содержит все, что необходимо знать про династию, навечно изменившую Европейский континент и весь мир.

Цель этой книги – рассказать об империи Габсбургов, об их представлениях и о том, какими их представляли другие, об их целях, замыслах и неудачах.

Более девяти веков дом Габсбургов породил простаков и провидцев, поклонников магии и масонов, религиозных фанатиков, правителей, пекущихся о своих подданных, покровителей искусств и подвижников науки, строителей удивительных дворцов и соборов.

Для кого

Для тех, кто интересуется прошлым и любит читать про очень странных, но сыгравших огромную роль в истории людей.

-
- [Мартин Рейди](#)
    -
    -
    -
    - [Семейное древо Габсбургов](#)

- [Примечание об именах](#)
- [Пролог](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [Конец ознакомительного фрагмента.](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)

- [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)
  - [57](#)
  - [58](#)
  - [59](#)
  - [60](#)
  - [61](#)
  - [62](#)
  - [63](#)
  - [64](#)
  - [65](#)
  - [66](#)
-

Мартин Рейди

Габсбурги. Власть над миром

Переводчик *Николай Мезин*

Научный редактор *Татьяна Гусарова, канд. ист. наук*

Редактор *Пётр Фаворов*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *Е. Аксёнова, Е. Воеводина*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

В оформлении обложки использована картина художника Бернхарда Штригеля «Семья императора Максимилиана I», ок. 1516 г. (Музей истории искусств, Вена)

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

This edition is published by arrangement with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

Мартин Рейди

ГАБСБУРГИ

ВЛАСТЬ НАД МИРОМ

Перевод с английского

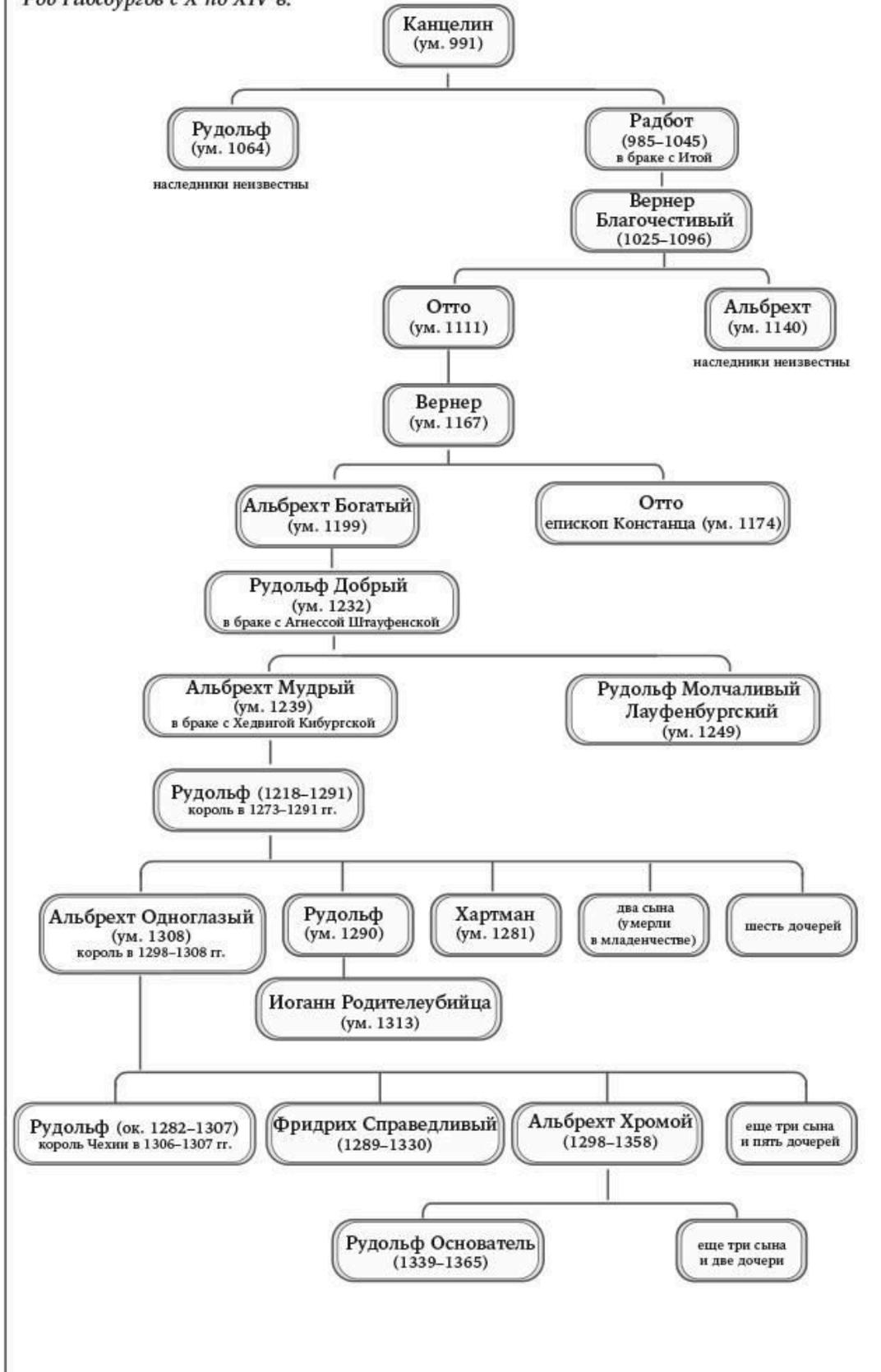
АНО
АЛЬФОНА НОН-ФИКШН

Москва, 2023

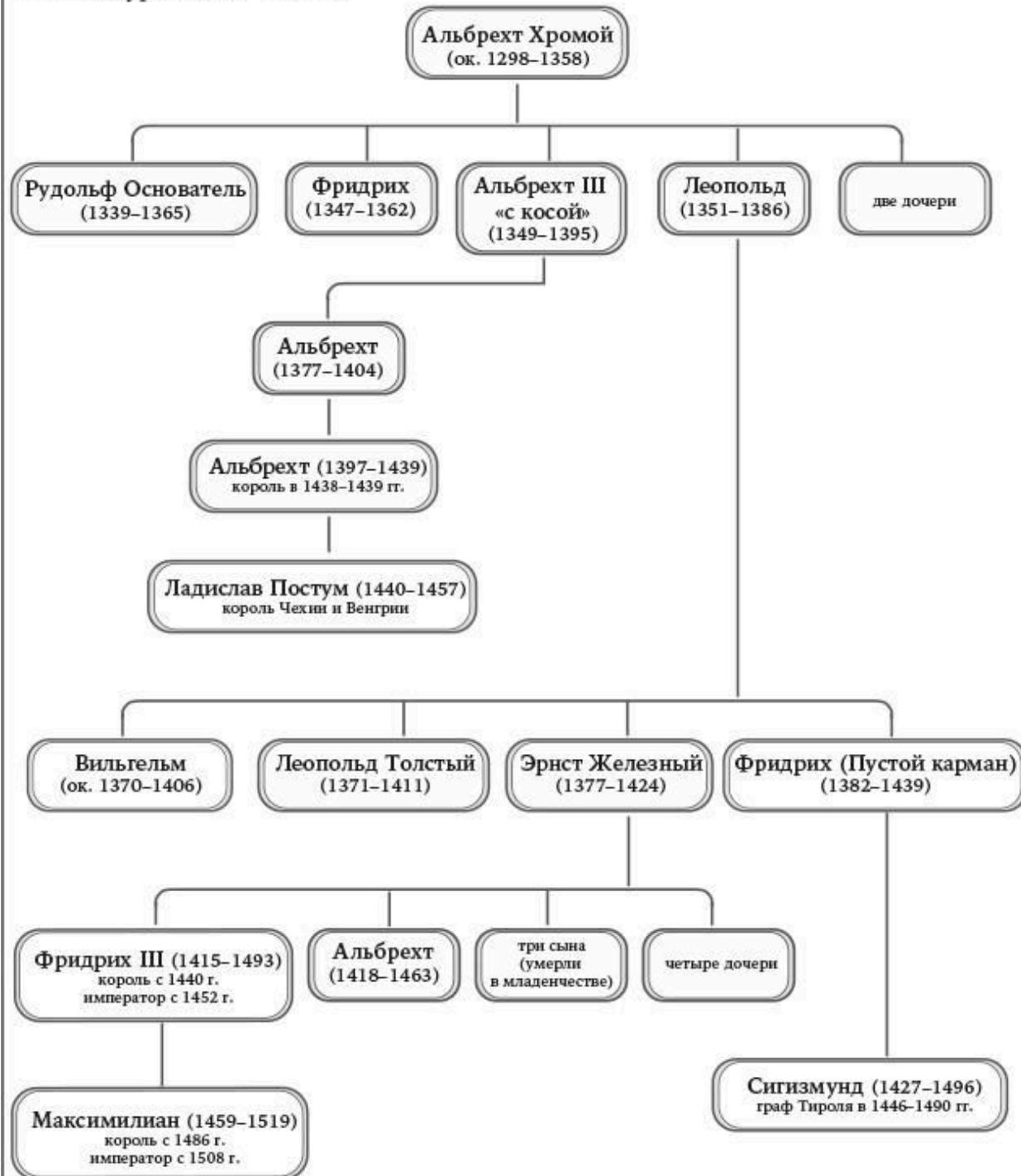
Говарду и Мэри

Семейное древо Габсбургов

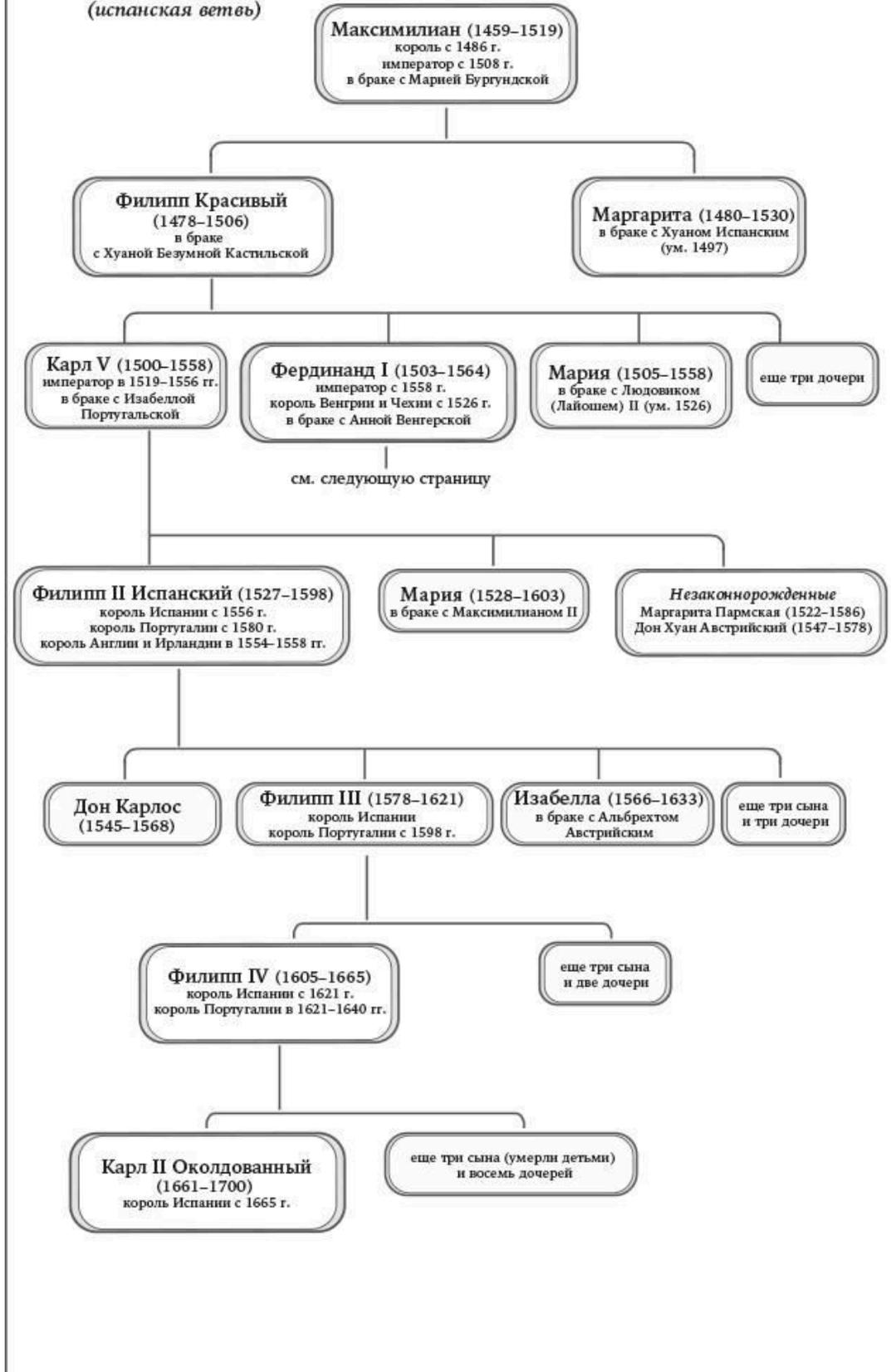
Род Габсбургов с X по XIV в.

Род Габсбургов с XIV по XV в.

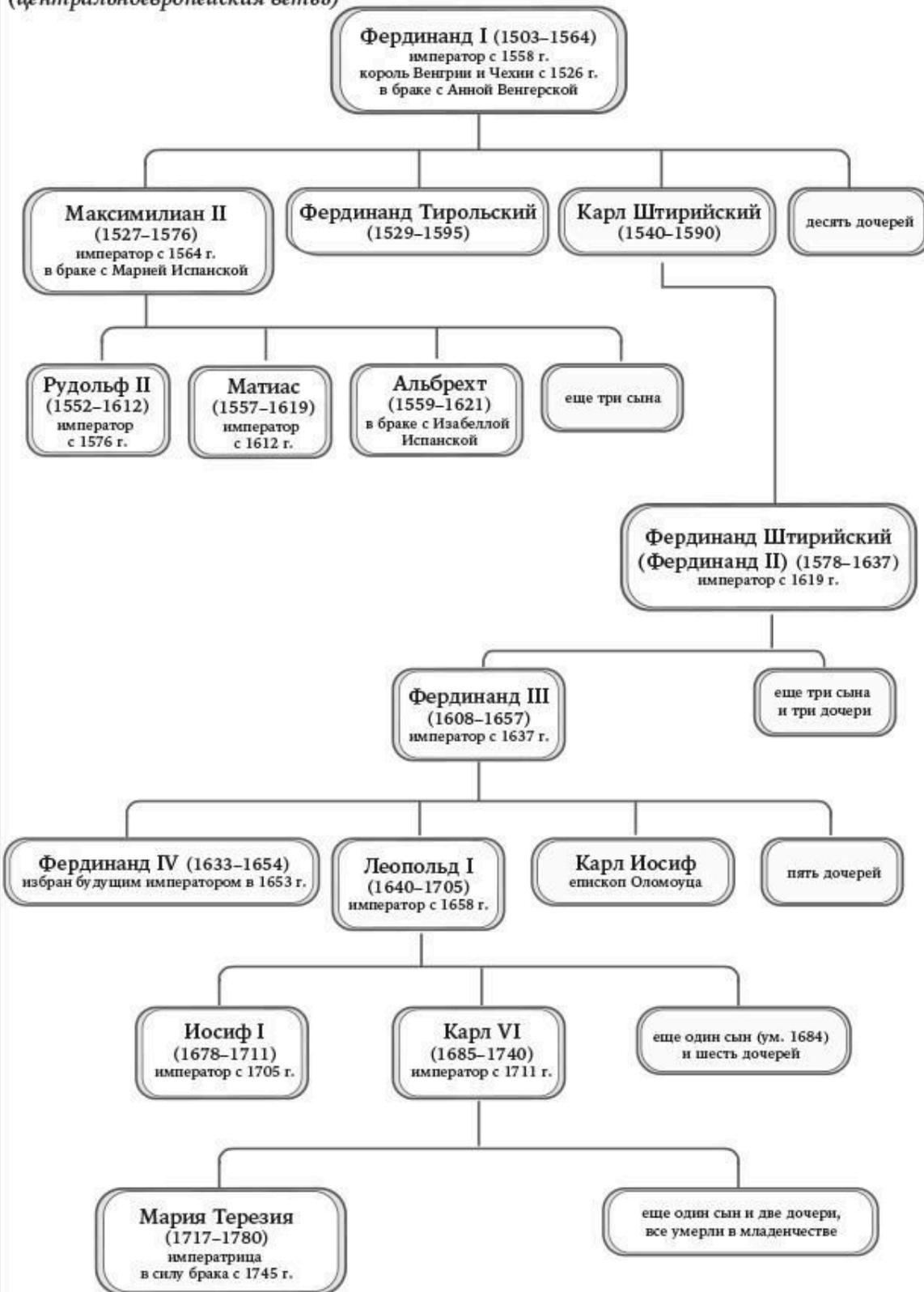

Род Габсбургов с XV по XVII в.
(испанская ветвь)

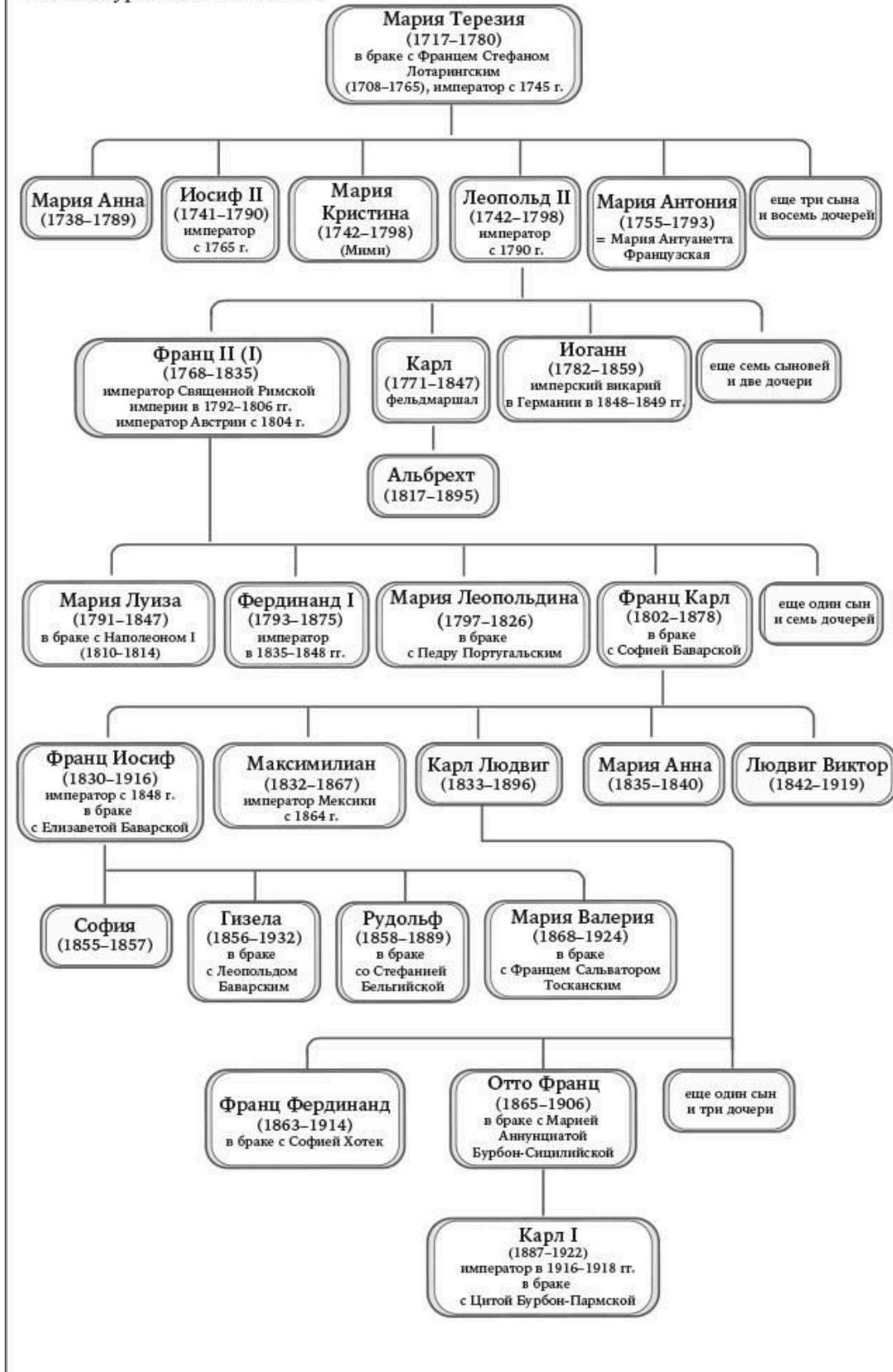

Род Габсбургов с XVI по XVII в.
(центральноевропейская ветвь)

Род Габсбургов с XVIII по XX в.

Примечание об именах

Для всех упоминаемых местностей я привожу их нынешние названия. Исключение составляет Будапешт: Буду и Пешт я упоминаю отдельно до 1873 г., когда два этих города слились в один.

Написание имен людей не следует какой-либо одной схеме. Обычно я использую имена в формах, чаще всего встречающихся в нынешней историографии.

Пролог

ДВОРЦОВАЯ БИБЛИОТЕКА

Замок Хофбург, некогда зимний дворец Габсбургов, сегодня – главная достопримечательность Вены. Запряженные лошадьми кареты с туристами проезжают под его арками и по прилегающим улочкам Старого города. Люди толпятся в узких проходах и беспечно высыпают на мостовую, увидев белые носы липицианцев в их стойлах. За исключением построенного в XIX в. Михайловского крыла, под его зеленым куполом Хофбург выглядит не особенно пышно: это несколько дворов – сейчас превратившихся в автостоянки – и ограждающие их фасады в стиле сдержанного барокко.

Но сегодня дворец хотя бы содержится в порядке. На фотографиях и пластинах для волшебных фонарей, сделанных до 1918 г., пока Хофбург еще был «работающим дворцом», видно обвалившуюся лепнину, трещины в кладке и разбитые окна. Большую часть своей истории этот дворец строился. Сменявшие друг друга императоры возводили новые крылья, ломали то, что мешало их замыслам, заменяли деревянные постройки каменными. До конца XVII в. Хофбург оставался неотъемлемой частью городских укреплений и примыкал к бастионам. Последний раз турки-османы осаждали Вену в 1683 г. Разбив их, Габсбурги наконец-то получили возможность воспринимать Хофбург как дворец и сцену для торжественных церемоний, а не как укрепленную резиденцию.

Ядро Хофбурга – так называемая Старая крепость (Alte Burg). Реконструкция конца XVII и XVIII в. не пощадила ее, так что ныне мало что напоминает о ее первоначальной форме. Воздвигнутая в первой половине XIII в. мощная цитадель представляла в плане квадрат со сторонами 50 м и имела четыре башни, каждая под шипцовой крышей со шпильями. Несмотря на свои размеры, внутри цитадель была довольно непрезентабельна. Бывавшие там жаловались, что во внутреннем дворе не развернуться повозке, комнаты тесны, лестницы сгнили, а на стенах нет шпалер. Но предназначение хофбургской Старой крепости было не в том, чтобы впечатлять роскошью убранства.

Она должна была господствовать над городом и окрестностями, воплощая собой идею власти^[1].

Старая крепость стала первым символом Габсбургов. По происхождению эта династия была центральноевропейской, и Австрия служила ядром габсбургских владений. Но в XVI и XVII вв. Габсбурги также правили Испанией и испанскими владениями в Нидерландах, Италии и Новом Свете. Конструкцию Старой крепости, хотя к тому времени и устаревшую в военном плане, они повторяли в крупных замках, которые строили или перестраивали в Испании – в Толедо и Мадриде, а потом вывезли и в Америку. В Мексике замки с четырьмя башнями стали атрибутом власти первых королевских губернаторов – фигуры помельче довольствовались двумя башнями. В располагавшейся приблизительно на территории нынешних Австрии, Германии и Чехии Священной Римской империи, которой Габсбурги правили в качестве императоров, честолюбивые аристократы тоже строили четырехбашенные цитадели, чтобы заявить о своем статусе^[2].

Габсбурги – первая династия, чьи владения простирались по всей планете, и своего величия она достигла за счет силы и удачливости. В XVI в. венская четырехбашенная цитадель демонстрировала, что Габсбурги – полноправные хозяева части Европейского континента, а ее копирование в заморских владениях возвещало об их общемировом влиянии. Но это был лишь один из многих символов, которые использовали Габсбурги, ведь свою власть они мыслили и как предначертанное им призвание, и как часть Божественного мироустройства. Такие представления требуют образов посложнее, чем грозная каменная твердыня.

Реконструкция Хофбурга в начале XVIII в., окончательно стершая силуэт Старой крепости с горизонта, включала и возведение Дворцовой библиотеки (Hofbibliothek). Прежде императорская библиотека размещалась в заброшенном монастыре, во дворце некоего аристократа и в деревянной постройке под стенами Старой крепости (на месте нынешней площади Йозефсплац). Библиотекари жаловались на сырость, пыль с улицы, скудное освещение и опасность пожара. Но только в долгое царствование Карла VI (1711–1740) на участке южнее бывшей Старой крепости для библиотеки выстроили особое здание^[3].

Строительство завершилось в 1720-х гг., и в целом библиотека сегодня выглядит так, как ее замыслил сам Карл. Около 200 000

печатных и рукописных книг расположились в едином зале длиной 75 м. К тому времени в фонде библиотеки имелись труды по теологии, истории церкви, праву, философии, естествознанию и математике, рукописные книги на греческом, латыни, сирийском, армянском и коптском. Карл допустил в библиотеку ученых, но они должны были испрашивать особого разрешения и могли работать с книгами лишь в утренние часы. В качестве компенсации за свою щедрость Карл ввел налог на газеты. Сначала он был временным – покрыть расходы на строительство библиотеки, но затем его сделали постоянным, предположительно, чтобы направить деньги на пополнение ее фондов. Также император обязал владельцев типографий предоставлять библиотеке по экземпляру каждой изданной книги. Поскольку многие венские печатники, помимо прочего, издавали порнографию, от этой обязанности часто уклонялись ^[4].

В центре зала стоит мраморная статуя Карла VI, изображающая его в виде Геракла, предводителя муз. В куполе размещена роспись, сюжетом которой стал апофеоз императора, то есть его вознесение на небеса, и аллегорические сцены, рассказывающие о его достижениях. В отличие от Джорджа Вашингтона в ротонде американского Капитолия, император Карл не смотрит на нас со свода. Художник приступил к росписи при жизни монарха, когда тот еще не сподобился небесной славы. Но парящая в небе фигура с лавровым венком в руке ждет именно его, и зритель не сомневается, что после своей кончины Карл вступит в сонм ангелов и будет восседать в их окружении на облаках.

К статуе Карла в зале библиотеки были добавлены 16 фигур других Габсбургов: императоров, королей и эрцгерцогов, начиная с короля Рудольфа, правившего в XIII в., и заканчивая Карлом II Испанским, умершим в 1700 г. Изготовление новых мраморных статуй стоит дорого, так что по большей части они были снесены сюда из кладовых и садов Хофбурга. Со временем какие-то фигуры заменялись скульптурами из других монарших дворцов, к ним добавлялись новые. Первый историк Дворцовой библиотеки не одобрял исходного набора персонажей, считая, что мало кто из этих 16 правителей проявлял сколько-нибудь заметный интерес к науке или образованию. Очевидно, он полагал, что все в библиотеке должно иметь прямое отношение к книгам и учености. Но это Дворцовая библиотека, и она

предназначалась для другого: заявлять о Габсбургах и их роли в Божественном порядке вещей^[5].

Все убранство библиотеки, включая роспись сводов, фрески на стенах и мебель, свидетельствует о величии Габсбургов и их безграничном могуществе. Четыре огромных глобуса, земных и небесных, поставленных под главным куполом, служат метафорой того, как широко простираются устремления династии. По сторонам каждого стеллажа высятся двойные колонны, и этот мотив парных столбов повторяется в архитектуре всего здания, в частности в беломраморных и позолоченных колоннах, расположенных в обоих концах зала и на внешнем фасаде. Они символизируют Геркулесовы столбы и девиз Габсбургов «Plus ultra» («Дальше предела»), а значит – власть, не знающую географических границ. Наверху, на фреске с императорским апофеозом, три античные богини несут полотнище с начертанными на нем буквами AEIOU. Есть множество вариантов расшифровки этого послания – ученые насчитали их не менее трехсот. Но в каждом из них речь идет о величии Габсбургов и Австрии – как в самом распространенном прочтении «Австрии суждено править всем миром» («Austria Est Imperare Orbi Universae» на латыни или «Alles Erdreich Ist Österreich Untertan» по-немецки)^[6].

Однако в этой концепции мировое господство опирается не на политическую власть и не на физическое принуждение. Карл предстает в своей библиотеке покровителем наук и искусств, а не воином-завоевателем. В росписях прославляются его достоинства: благородство, добрая слава, великолепие и непреклонность. На ратную доблесть императора намекает трехглавый Цербер, попраный пятой Геракла, но в остальном военные победы Карла остаются без упоминания. Даже фрески, посвященные войне, не педалируют эту тему, восхваляя нечто противоположное: гармонию, порядок и знание. Больше всего Карлу хотелось, чтобы его чтили как миротворца и покровителя наук. На *тронгле* ниже купола мы видим реалистические образы людей, занятых беседой, и каждая их группа представляет какую-то область знания, в которую Карл вдохнул новую жизнь: анатомию, археологию, ботанику, гидравлику, геральдику, нумизматику и даже гномонику, то есть искусство создания солнечных часов.

Тот же историк, которому казалось, что главное в библиотеке – книги, считал ротонду и фрески аллегориями библиотеки. Возможно,

он был прав, однако в эпоху барокко аллегории зачастую несли в себе несколько скрытых смыслов. С ее скульптурами габсбургских императоров и героев, с повторяющимися всюду парными колоннами и изящно расставленными глобусами библиотека также служила аллегорией безграничной и вечной власти Габсбургов. Причем, как показывают нам фрески, мир, к обладанию которым стремится династия, охватывает не только мир земной – но и вечный мир знания и научного поиска. Как и шифр AEIOU, универсальная миссия Габсбургов не имеет одной формулы, описывающей всю ее сложность и исчерпывающей все ее возможности^[7].

Понимание Габсбургами своей роли в мире формировалось постепенно, новые этапы в истории династии порождали новые устремления, которые одно за другим вплетались в общий клубок идеологических установок. Сначала речь шла о религии. В XIII в. король Рудольф Габсбург (правил в 1273–1291 гг.) был известен как грабитель церквей и разоритель женских монастырей. Но спустя каких-то два-три десятка лет после его смерти появилась легенда. Однажды Рудольфу повстречался священник со Святыми Дарами, торопившийся причастить умирающего, и король отдал ему своего коня. В последующие столетия этот рассказ все больше приукрашивался, так что в благодарность за коня Рудольф получал земную корону, а, причащаясь Святыми Дарами во время коронации, мистически удостоивался помазания на царствие. Выискивались и цитаты из Священного Писания, подтверждающие, что за помощь в доставке Святых Даров потомки Рудольфа будут подкрепляться Святым причастием согласно Божьему промыслу, впервые упомянутому еще в Ветхом Завете^[8].

Вся духовная практика династии Габсбургов строилась вокруг поклонения Святым Дарам: процессии, паломничества, праздники. Если спешивший куда-то священник попадался на глаза кому-нибудь из Габсбургов, зачастую ему поневоле приходилось продолжить путь верхом или в экипаже. В годы религиозных конфликтов XVI и XVII вв. протестанты оспаривали смысл и значение причастия. Преувеличенное почтение к этому таинству, которое неизменно выказывали представители династии, служило символом их приверженности католической церкви и их роли как инструментов Божьего промысла. Даже в последние годы Габсбургской империи династия прочно

ассоциировалась с таинством причастия, и эта связь подчеркивалась не только при отправлении ритуалов, но и в более будничных ситуациях. В 1912 г. император Франц Иосиф в ответ на просьбу даровать швейцарскому стрелковому клубу наградной кубок прислал статуэтку Рудольфа, спешивающегося, чтобы отдать ее священнику^[9].

С 1237 г. Габсбурги правили Священной Римской империей с перерывами, а с 1438-го и до самого ее падения в 1806 г. – почти постоянно. Империю основал в 800 г. Карл Великий, но считалось, что в ней продолжилась античная Римская империя. Изначально Священную Римскую империю называли просто Римской империей – эпитет «Священная» добавили в XIII столетии, и его использование так и не устоялось. В X в. Священная Римская империя была воссоздана как преимущественно германское государство, но это ничуть не убавило престижа императорского титула. Его обладатель по-прежнему считался прямым наследником императоров Древнего Рима, в каком-то смысле соответствующим папе, и носителем власти, которая ставила его выше всех других монархов. Блеска этой фигуре добавляли и средневековые пророчества о грядущей битве ангелов с посланцем дьявола Антихристом, где говорилось, что «последний император» положит начало тысячелетнему царству Христа. На это и опирались Габсбурги, трубившие о своей роли в неминуемом конце света. Соответственно, Максимилиану I (король в 1486–1508 гг., император в 1508–1519 гг.) на портрете придавались черты легендарного «последнего императора», у которого, согласно пророчествам, будет «высокий лоб, выгнутые брови, большие глаза и орлиный нос»^[10].

Считалось, что последний император не только одолеет Антихриста, но также разобьет турок, освободит от них Стамбул (Константинополь) и избавит от владычества магометан святой город Иерусалим. Императоры Священной Римской империи чередой объявляли о готовности к крестовому походу против неверных, который не только исполнит пророчество, но и подтвердит их приверженность идеалам христианского рыцарства и главенствующее положение в крещеном мире. В XVI в. война против иноверцев в воображении Габсбургов слилась с войной против еретиков. Один за другим габсбургские императоры и правители обрушивались на распространявшийся по Европе протестантизм, не признававший власти Святого престола. В религиозной практике испанских

Габсбургов борьба за чистоту веры в равной мере обозначалась и нарочитым почитанием таинства причастия, и тщательно срежиссированными сожжениями еретиков.

В XV и XVI вв. во время общего подъема наук и искусств, известного как Возрождение, оживилось изучение классических текстов. Ренессансные ученые и гуманисты оглядывались на Рим в поисках вдохновения и наставления. Многие заимствовали у античных авторов веру в иерархический порядок, на вершине которого находился император, чья миссия состояла в посредничестве между правителями и установлении всеобщего мира. Благодаря своему императорскому титулу Габсбурги часто казались гуманистам единственными кандидатами на роль восстановителей порядка и гармонии. Эти авторы рассуждали о «всемирной империи» или «вселенской монархии», ведомой Габсбургами, и перелицовывали древние эпические сюжеты, изображая Габсбургов в виде римских кесарей. А чтобы добавить красок, они вкладывали в уста античных богов витиеватые речи о высоком предназначении Габсбургов и о ниспосланных им щитах, на которых изображены карты всего известного мира^[11].

Величайший гуманист Возрождения Эразм Роттердамский не тратил времени на подобную ученую чепуху. Заметив, что «королями и глупцами не становятся, а рождаются», он предрекал, что вселенский монарх, скорее всего, будет вселенским тираном – «врагом для всех, и все враги для него». Именно Габсбурги близко подошли к воплощению в жизнь идеи «всемирной монархии», которой опасался Эразм. Императора Священной Римской империи избирали – это делали семь ведущих князей империи. Габсбурги, однако, помимо того, что занимали императорский трон, управляли отдельными провинциями и территориями империи по праву наследования: эти земли принадлежали им как собственные, а не просто находились под их властью, поскольку они были императорами. Первоначально эти родовые владения располагались в верховьях Рейна, но к XIII в. Габсбурги обзавелись землями в Центральной Европе, приблизительно соответствующими территории нынешних Австрии и Словении. Затем, начиная с 1470-х гг., за каких-то полвека габсбургские владения резко разрослись, вобрав в себя Нидерланды, Испанию, Чехию, Венгрию и большую часть Италии. Венгрия – независимое, в отличие от Чехии, королевство, не входившее в состав Священной Римской империи, –

расширила сферу влияния Габсбургов на 700 км на восток, до границ нынешней Украины. Но Испания стала еще более ценным приобретением, ведь к ней прилагался Новый Свет и колониальная система в Азии и по берегам Тихого океана. Габсбургские владения стали первой империей, над которой никогда не заходило солнце^[12].

Некоторое представление о размерах этого образования дает официальный титул Карла V в 1521 г.:

Карл, милостью Божьей избранный император Священной Римской империи, во все времена приумножатель империи и прочая, король Германии, Кастилии, Арагона, Леона, обеих Сицилий, Иерусалима, Венгрии, Далмации, Хорватии, Наварры, Гранады, Толедо, Валенсии, Галисии, Балеарских островов, Севильи, Сардинии, Кордовы, Корсики, Мурсии, Хаэна, Алгавре, Альхесираса, Гибралтара и Канарских островов и еще островов в Индиях и материка в Океане и прочая; эрцгерцог Австрии, герцог Бургундии, Лотарингии, Брабанта, Штирии, Каринтии, Крайны, Лимбурга, Люксембурга, Гелдерна, Вюртемберга, Калабрии, Афин, Неопатрии и прочая; граф Фландрии, Габсбурга, Тироля, Горицы, Барселоны, Артуа и Бургундии; пфальцграф Эно, Голландии, Зеландии, Феррета, Кибурга, Намюра, Руссильона, Сердани, Зютфена; ландграф Эльзаса; маркграф Ористано, Гочеано и Священной Римской империи; князь Швабии, Каталонии, Астурии и прочая; владетель Фрисландии, Виндской марки, Порденоне, Бискайи, Молинса, Салена, Триполи, Малина и прочая^[13].

Список путаный: он включает в себя земли, которые в тот момент уже не принадлежали или вообще никогда не принадлежали Габсбургам (Иерусалим, Афины и т. д.), но на которые они продолжали заявлять сомнительные права. Другие названия были добавлены именно потому, что за эти владения Габсбурги вели споры, но куда больше территорий в этом титуле просто не упоминается, на что и указывают постоянные «и прочая». Вместе с тем этот разбитый на разделы список сообщает об одной особенности Габсбургской монархии, которая, в общем, сохранится и в XIX в., и в XX в. Ее составные части не были объединены, они сохраняли свои отдельные

правительства, законы, аристократические и торговые элиты, а также парламенты или ассамблеи. Иначе говоря, это были фактически независимые государства, которые связывала только фигура правителя. При таких расстояниях между частями империи эта разобщенность была в некотором смысле неизбежной, но она также была и продуманной политикой, которая примиряла очень отличные друг от друга народы с властью далекого государя. Как пояснял Карлу V (император в 1519–1556 гг.) один испанский правовед, чтобы обеспечить лояльность подданных, каждым владением ему нужно править отдельно, «как будто монарх, держащий их вместе, не более чем король каждого из них»^[14].

Габсбурги усвоили широкую, всеохватную концепцию мира, объединенного под небесной властью одного правителя, посвятившего себя служению вере, поддержанию мира между христианами и войне против неверных. Но это видение не воплотилось ни в какую политическую программу даже на тех землях, которыми Габсбурги управляли. Все монархии начинались как сложные образования, составленные из различных территорий, которые потом спланивались и приобретали единообразие. Даже в государствах, образованных из отдельных королевств, со временем проявлялись тенденции к централизации, так что своеобразие их частей постепенно стиралось настолько, что они теряли независимый характер и институты. Габсбурги этого не добились – более того, за исключением нескольких кратких периодов, они к этому и не стремились. Невзирая на некоторую централизацию административного и законодательного аппарата в XVIII и XIX вв., их владения по-прежнему управлялись так, словно государь был правителем лишь каждого из них в отдельности, а не супермонархом с неограниченной властью. В XVIII столетии французский монарх титуловался просто «королем Франции и Наварры», без упоминания герцогств Аквитания и Бретань, графства Тулузского, герцогства Нормандия и прочая, Габсбурги же до самого XX в. перечисляли в своем титуле все составные части своей страны как самостоятельные единицы.

Историки крепки задним умом. Они знают, что будущее – за централизованными национальными государствами, и потому считают политические образования, построенные на принципах децентрализации и разнородности, обреченными на гибель. «Хаос»,

«отсталость» и «случайность» – в таких категориях они привыкли описывать поздних Габсбургов и их империю. Но о Габсбургах не следует судить настолько примитивно. Их мировоззрение сплеталось из множества нитей и простиралось дальше территориальных границ и грозных каменных твердынь. Оно, как показывает библиотека Карла VI, выросло из дополняющих друг друга идеалов и устремлений – из идей истории и наследования, императорского Рима и католической веры, благодетельного правления, а также стремления к знаниям, вечности и небесной славе.

Безусловно, политические соображения влияли на ситуацию, размывая мистическую сущность Габсбургской монархии, так что ее проявления подчас оказывались бессмысленными или банальными. Но даже когда Габсбурги чуть более века назад вступили в последние десятилетия своего царствования, от этого мировоззрения кое-что оставалось. Цель этой книги – рассказать об империи Габсбургов, об их представлениях и о том, какими их представляли другие, об их целях, замыслах и неудачах. Полтысячелетия, с XV до XX столетия, Габсбурги были одной из самых влиятельных европейских династий, а несколько веков их владения простирались до Нового Света и дальше, делая их империю первым в истории глобальным начинанием. Эта книга – отчасти история Габсбургов, но отчасти и размышление о том, что означала для Габсбургов власть над миром.

1

ЗАМОК ГАБСБУРГ И «ЭФФЕКТ ФОРТИНБРАСА»

В начале прошлого века некий особо усердный исследователь решил установить родословную эрцгерцога Франца Фердинанда, на тот момент – наследника императора Франца Иосифа. Построенное им генеалогическое древо состояло из 33 таблиц, восходило к XVI столетию и включало в себя более 4000 упоминаний предков Франца Фердинанда. Однако из-за близкородственных браков там было столько наложений, что отдельных персон насчитывалось лишь полторы тысячи: многие мужья приходились своим женам и кузенами, а жены мужьям – племянницами по нескольким линиям. В этой родословной Франц Фердинанд доводился потомком императору Фердинанду I, жившему в XVI в., по более чем сотне разных линий, а его дальней кузине – непримечательной, но чрезвычайно благочестивой Ренате Лотарингской – по 25^[15].

Посвящая свои разыскания Францу Фердинанду, ученый постарался заретушировать частоту близкородственных браков у Габсбургов, показав на цифрах, что все правящие роды Европы предавались в прошлом кровосмешению в неменьшей степени. Он также извинялся за то, что не смог углубиться дальше, в Средние века. Но, если бы он попытался проследить родословную эрцгерцога до XI в., ему пришлось бы упомянуть несколько сотен тысяч человек, поскольку с каждым поколением число предков удваивается. Однако при этом задача ученого с погружением все дальше в историю в каком-то смысле упрощалась бы, поскольку письменных источников становилось бы все меньше и белые пятна расплзались бы все шире. К X в. семейное древо Габсбургов сохлось бы от (в теории) сотен тысяч до (на практике) горстки едва различимых фигур.

Книги о ранней истории Габсбургов порой напоминают детективные триллеры: они полны умозрительных построений, прослеживающих линию Габсбургов через загадочный род эльзасских графов Этихонидов к французской королевской династии Меровингов,

берущей начало в V в. от мифического прародителя – квинотавра, пятирогого быка. В действительности самые ранние Габсбурги, каких мы только можем отыскать, жили в конце X в. в верховьях Рейна и Эльзасе, в районе нынешней франко-германской границы, и в Аргау, на севере нынешней Швейцарии. Вся эта территория входила в Священную Римскую империю, принадлежала герцогству Швабия и состояла из нескольких фактически самостоятельных графств, или гау, каждое – со своим графом. Первым Габсбургом, о котором нам доподлинно известно, был некий Канцелин (иногда именуемый Ланцелином), в позднейших источниках связываемый с небольшой крепостью Альтенбург, располагавшейся в Аргау, недалеко от города Бругг^[16].

После смерти Канцелина, наступившей около 990 г., его земли поделили сыновья, Радбот (985–1045) и Рудольф. Во владениях первого оказалась деревня Мури, лежащая в 25 км от Альтенбурга. Эту деревню Радбот преподнес как свадебный подарок своей невесте Ите (Иде), которая в 1027 г. основала там бенедиктинское аббатство. За такое благочестие Ита удостоилась могилы рядом с алтарем монастырской церкви. Несмотря на разграбление обители бернскими протестантами в 1531 г., могила Иты сохранилась и поныне. Рядом с нею отчасти упокоились последние император и императрица Габсбургской династии – Карл и Цита: урны с их сердцами хранятся в часовне возле алтаря. Тело Карла, которое после Первой мировой войны не позволили вернуть в Австрию, погребено на португальском острове Мадейра, где он умер в 1922 г., а вот останки Циты покоятся в Императорском склепе в Вене.

Аббатство в Мури процветало щедростью верующих и своих основателей. Оно обзавелось землями в более чем 40 окрестных деревнях, а также драгоценными реликвиями, среди которых были мощи более чем сотни святых и мучеников, частички Истинного креста, скрижалей, на которых были начертаны 10 заповедей, и колонны, у которой Пилат судил Иисуса. Впрочем, потомки Радбота и Иты воспринимали все это как свою собственность. Основанная и богато одаренная этой семьей обитель считалась «частным монастырем» – местом погребения, где служились мессы за упокой их предков, а аббатов назначали они сами по своему усмотрению. Габсбурги также взяли на себя обязанности покровителя, или фогта

(Vogt, что иногда переводится как «хранитель» или «заступник»), и за это удерживали часть доходов аббатства^[17].

Сын Радбота Вернер (1025–1096), прозванный позже Благочестивым, уловил новые веяния монашеской жизни, доходившие из крупных монастырей в Клуни и Хирсау: покорность, непрерывная молитва и полный уход от мира. Недовольный поведением мурийских бенедиктинцев, которые (как говорят) делали что хотели, Вернер, чтобы подать им пример, пригласил в обитель вышколенных монахов из Шварцвальда. Но эта благонамеренная затея вышла ему боком. Реформаторов монастырской жизни заботила вовсе не только мораль братии. Они утверждали право вышестоящих клириков управлять монастырями, что в корне расходилось с привычкой светских аристократов распоряжаться ими как своей частной собственностью. Это напрямую угрожало интересам Вернера, который осознал, что может вовсе лишиться власти над обителью, в устройство которой его предки вложили так много сил и средств^[18].

Где-то в середине 1080-х гг. Вернер изготовил фальшивую грамоту, будто бы составленную за 60 лет до того его дядей (или, возможно, двоюродным дедом) Вернером, епископом Страсбурга. Грамота гласила, что ее мнимый автор, епископ, основал монастырь в Мури и навечно даровал своей семье пост монастырского фогта. Подложную грамоту огласили в собрании самых влиятельных лиц Аргау, а позже ее подтвердила в Риме коллегия кардиналов. Для большей достоверности несколько лояльных к Вернеру монахов составили поминальник – список умерших, об упокоении которых нужно молиться на литургии. Имя епископа Вернера в нем было выделено красным цветом, а вот Ита не упоминалась вовсе. Таким образом, основание аббатства связывалось уже не с Итой, а с епископом и, соответственно, с правами, упомянутыми в якобы составленной епископом грамоте^[19].

В 1114 г. предписания фальшивой грамоты подтвердил император Священной Римской империи Генрих V. Правда, император добавил оговорку, что покровители аббатства не должны извлекать из своих обязанностей выгоды и вмешиваться в дела монастыря. С этого момента наследников Вернера мало-помалу оттесняли от управления обителью. А чтобы они тем временем не присвоили монастырское имущество, братия составила подробный перечень всех своих земель и драгоценных реликвий. Также монахи записали историю ранних лет

аббатства в Мури, где семейство основателей показано грабителями и ворами, отдавшими землю под монастырь, чтобы облегчить свою нечистую совесть. Хотя в рассказах, собранных монахами из Мури, наверное, содержится доля правды, их опус породил легенду о том, что первые Габсбурги были просто титулованными разбойниками, которые, согласно одному из описаний нашего времени, «носились по округе, убивая и грабя встречающих»^[20].

Землевладельцы основывали монастыри как своего рода фабрики молитв, где день за днем будут служить мессы, чтобы их души как можно скорее прошли чистилище. Для защиты от земных опасностей они строили замки. В более ранние эпохи укрепления были преимущественно земляными, но начиная с XI в. в моду вошли крепости из дерева и камня. Их задачей было защищать, контролировать и держать в страхе окрестные деревни, но, кроме того, замок служил символом растущей независимости и укрепляющейся власти феодалов. В средневековой Европе было совсем немного областей, где замки строились гуще, чем в Аргау. Один любитель древностей в конце XIX в. насчитал там не менее 70 каменных крепостей, большинство из которых заложили до 1300 г., – и это на площади в каких-то 1400 кв. км! Эта территория нуждалась в крепостях, потому что иначе ее тучные пастбища и господство над дорогами, ведущими через Альпы, превратили бы ее в соблазнительную добычу для алчных соседей^[21].

Легенда гласит, что однажды на охоте Радбот потерял любимого ястреба. Разыскивая его, он вышел на плоскую скалу над рекой Аре, на самом краю своих владений, и понял, что это место идеально подходит для крепости. Твердыню, возведенную на этом месте, Радбот назвал Хабихтсбург (Habichtsburg), то есть «Ястребиный замок» (в древневерхненемецком ястреб обозначался словом Habicht или Habuh). Название прижилось в сокращенной форме Хабсбург, и со временем потомки Радбота начали использовать именно ее. Легенда, связывающая появление замка с ястребом, волновала романтические натуры и спустя многие века. Архидиакон Уильям Кокс (1748–1828), первый английский историк, занявшийся Габсбургами, описывая свое волнение при виде замка Габсбург, сравнивал себя с Эдвардом Гиббоном, озирающим руины римского Форума^[22].

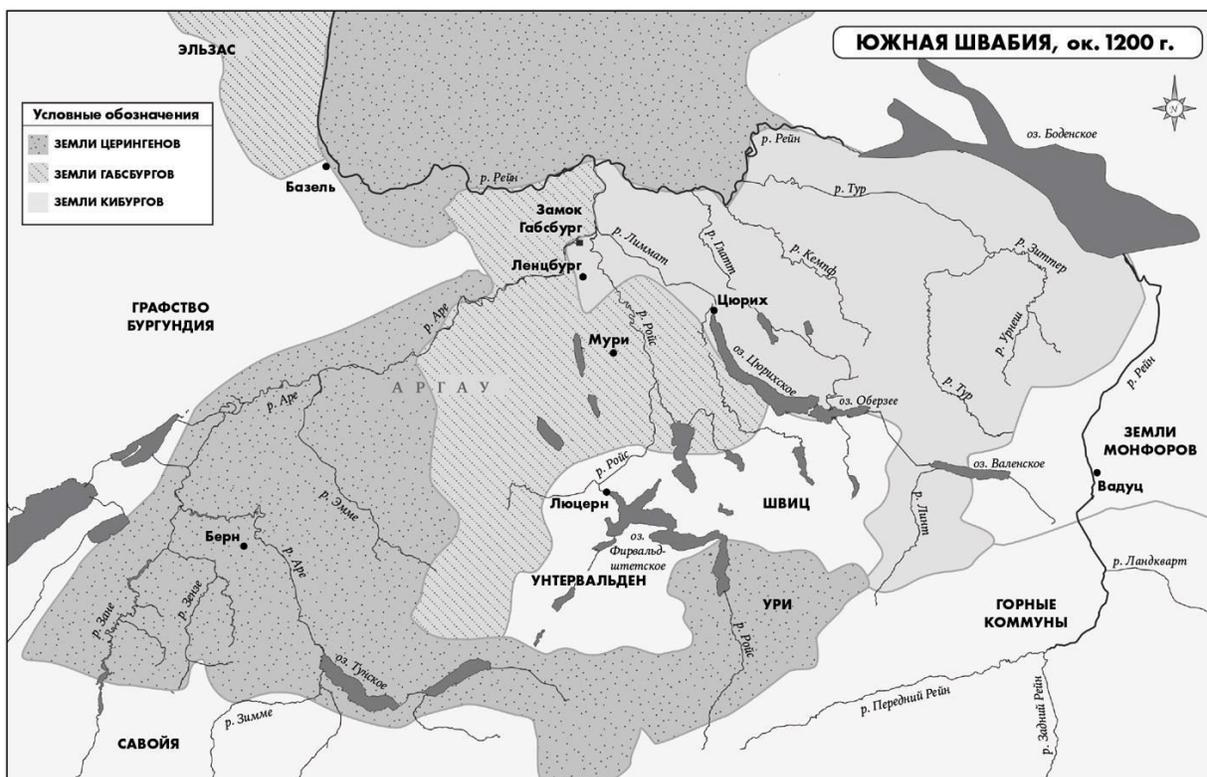
Выстроенный на крутом горном уступе, замок Габсбург по-прежнему выглядит внушительно, хотя и превращен в ресторан, так что из-за крепостных зубцов у него торчат зонтики. Однако история о ястребе явно заимствована из других источников. Название Хабихтсбург появляется в 1080-х гг. Его происхождение, вероятно, связано не с ястребом, а с бродом (Hafen), так как замок возник рядом с местом, где реку Аре переходили вброд. Более того, Габсбург и различные ранние варианты этого названия (Хавехисбург, Хавихсберг, Хавесборк и пр.) лишь одно из нескольких мест, которые потомки Радбота обычно включали в перечень своих титулов. Обзаводясь новыми землями и замками, они сдвигали Габсбург все ниже по списку, пока он совсем не затерялся в густой чаще владений. Лишь в XVIII в., когда знать происхождения своих предков стало модным, это название извлекли на свет, а широкое хождение оно получило благодаря популярной исторической балладе Шиллера «Граф Габсбургский» (1803). До тех пор единственным родом, настойчиво приписывавшим себе это имя, были графы Денби из английского Уорикшира. Выходцы из простонародья, они придумывали себе то одно, то другое знатное происхождение и в надежде добавить пышности своей фамилии добавляли к ней сомнительные иностранные титулы^[23].

Замок Габсбург не был «разбойничьим гнездом»: это была не только крепость, но и жилище. Изначально его ядром была каменная прямоугольная башня со сторонами 18 с лишним и 13 м, со стенами почти двухметровой у основания толщины. Позже поверх нее возвели четырехъярусный жилой корпус, а к нему с северо-восточной стороны пристроили новую башню. В конце XII в. обе эти постройки окружили длинной стеной, так что заодно получился внутренний двор. К тому времени построили вторую башню, западнее главной, и вокруг нее сформировался свой комплекс зданий с большим залом и жилыми помещениями. Именно эту часть замка сегодня посещают туристы, а от остального остались лишь груды камней.

Во второй половине XIII в. Габсбурги покинули замок, перебравшись в Ленцбург, 10 км южнее. Еще у них была резиденция в Бругге, где правнук Вернера Альбрехт Богатый (умер в 1199 г.) построил так называемую Черную башню (сохранилась до наших дней), а позже – и замок Баден на вершине холма в Аргау (ныне разрушен). Бругг и Баден были лучше приспособлены для проживания,

чем Габсбург, поскольку располагались ближе к рынкам и их было проще снабжать. Старый же замок отошел к вассалам Габсбургов, которые поделили его на две отдельные крепости. В итоге в 1415 г. его захватил город Берн.

Центральная область габсбургских владений лежала у слияния Аре, Лиммата и Ройса; в Средние века все эти реки были судоходными. К тому же через эти места шли дороги, соединявшие горные области Швейцарии с предальпийскими равнинами. В XIII в. с открытием Сен-Готардского перевала деньги и товары из Северной Италии потекли через Люцерн и Аргау на великие ярмарки Фландрии и Шампани. Габсбурги владели несколькими десятками таможен, извлекавших доходы из этой торговли, в те времена касавшейся в основном шерсти, тканей, металлов и рыбы. Плоскогорье Аргау было богатым и в сельскохозяйственном плане: крестьяне, возделывавшие там поля, платили Габсбургам как деньгами, так и натурой ренту, а также пошлины за право пользоваться покосами, пастбищами и мельницами. Вот выдержка из описи начала XIV в., составленной для деревни неподалеку от замка Габсбург: «Двое арендаторов из Виндиша обязаны ежегодно вносить ренту из двух пеков ржи каждый, что в совокупности бушель, двух свиней, одна ценою восемь шиллингов, а другая – семь шиллингов, двух ягнят каждый ценою 18 пенни, четырех кур и 40 яиц». (12 пенни составляли шиллинг, а бушель – это 35 литров.)^[24]

Во всех владениях Габсбургов в Аргау в обязанности крестьянина, бравшего себе жену, входила уплата сеньору трех шиллингов «за первую ночь». Историкам националистического толка вечно нужны злодеи, и в случае Швейцарии эту роль обычно играли Габсбурги. Швейцарские историки немало наговорили об этих трех шиллингах, подавая их как возмутительный налог, который требовали со швейцарцев их прежние господа Габсбурги за отказ от использования унижительного права первой ночи. На самом деле это «право сеньора» (*droit de seigneur*) рождено похотливой фантазией более поздних поколений, а три шиллинга были просто платой, вносимой в случае брака, подобной великопостному подношению, знаменовавшему конец карнавала. Этот налог был обычен во всех областях Швейцарии. По правде говоря, Габсбурги редко проявляли большое рвение в сборе с крестьян налогов и податей, и многие из них со временем забывались. Оброк, взимавшийся с виндишских арендаторов, вряд ли можно назвать тяжким [\[25\]](#).

К XIII столетию основную часть доходов семья Габсбургов получала от таможенных пошлин, и больше всего приносили таможни,

построенные на мостах в Бадене и Бругге. Отправление правосудия тоже приносило деньги. В реестре имущества и статей дохода, составленного в начале XIV в. для всех принадлежавших Габсбургам замков и деревень, это право обычно упоминается первым – «штрафовать и принуждать, разбирать дела о кражах и насилии». Поскольку штрафы и изъятое имущество часто отходили к сеньору, это право тоже неплохо служило пополнению его казны. Габсбурги были достаточно богаты, чтобы привлекать к себе на службу других землевладельцев. Принимая на себя вассальные обязанности, те получали взамен замки или разрешения на их постройку и затем держали эти владения от имени своих господ. К XIV в. Габсбурги обладали тремя десятками замков, разбросанных от Боденского озера до левого берега Рейна и Эльзаса, и к каждому замку прилагались деревни, поместья и хутора. Габсбурги определенно не были «бедными графами», какими их рисуют некоторые историки^[26].

Изначально Габсбурги были лишь одним из множества дворянских родов Аргау. Их взлет историки склонны объяснять политическими причинами. В XII в. Габсбурги встали на сторону императора Лотаря III (1125–1137) против его соперников из династии Штауфенов и в благодарность получили новые владения в Верхнем Эльзасе, а вместе с ними – и престижный титул ландграфа. Позже, в середине столетия, Габсбурги перешли на сторону Штауфенов. Вернер II, внук первого Вернера, умер недалеко от Рима в 1167 г., сражаясь за императора из этой династии Фридриха I Барбароссу. Сын Вернера Альбрехт Богатый и внук Рудольф Старый (также Добрый или Милосердный, умер в 1232 г.) выступали на стороне наследников Штауфенов – Филиппа Швабского и Фридриха Штауфена соответственно. Рудольф позже финансировал военный поход Фридриха, завершившийся в 1211 г. захватом власти в Священной Римской империи, после чего Фридрих стал императором Фридрихом II. Новый император вознаграждал верного союзника: последовали брачный союз с родом Штауфенов, милостивое согласие императора стать крестным отцом внуку Рудольфа Старого и новые земельные пожалования на юго-западе Священной Римской империи.

Однако своим взлетом Габсбурги скорее обязаны ситуации, которую можно назвать «эффект Фортинбраса». В финале

шекспировского «Гамлета» все герои лежат замертво, и тут прибывает норвежский принц Фортинбрас, который заявляет:

На этот край есть право у меня.

Я предъявлю его^[27].

Габсбурги, подобно Фортинбрасу, вышли на сцену, когда все остальные пали. В течение XII и XIII вв. они породнились со многими знатными соседями на территории нынешних Швейцарии и Юго-Западной Германии, а позже заявляли свои права на земли этих соседей, если у тех пресекался род. Так им частично или полностью достались владения семейств Ленцбург, Пфуллендорф и Хомбург. Хотя поначалу Габсбурги завладели только частью наследия Ленцбургов, эта часть, приобретенная в 1170-х гг., обеспечила им графский титул. До тех пор Габсбурги носили его лишь в знак уважения^[28].

Но самые значительные территориальные приобретения на юго-западе Священной Римской империи Габсбурги получили с пресечением родов Церингенов и Кибургов в 1218 и 1264 гг. соответственно. Церингены были давними врагами Штауфенов, а их владения были очень обширными, простираясь от Шварцвальда до Савойи. После смерти последнего герцога, Бертольда V, не оставившего наследников, земли Церингенов были разделены. Большая их часть отошла Кибургам в силу того, что сестра Бертольда была замужем за одним из Кибургов. Но в 1264 г. умер и последний Кибург. И тогда граф Рудольф Габсбург (1218–1291), внук Рудольфа Старого, поскольку его мать тоже была из Кибургов, забрал основную часть их владений – земли между Цюрихом и Боденским озером. Вместе с землями Кибургов Габсбурги получили владения Церингенов и ту часть наследия Ленцбургов, которая не досталась им веком раньше.

Территориально могущество Габсбургов было не так велико, как можно было бы заключить из списка их приобретений. Земли семьи не составляли единой области, а перемежались с землями других феодалов, церковными владениями, городами и свободными деревнями. Часть габсбургских имений находилась в залоге, другие были переданы слугам или должностным лицам вместо жалованья. Ренту и другие сборы тоже отдавали в третьи руки в обмен на единовременные выплаты. Даже в самых небольших владениях Габсбургов имелись свои

особенности и постоянно менялась ситуация, что весьма затрудняло организацию общей системы управления: каждая из территорий по своему взаимодействовала с сюзереном. И все же к середине XIII столетия Габсбурги стали самым влиятельным родом в Швабском герцогстве. Их земли тянулись от Страсбурга до Боденского озера и от реки Аре до лесистых альпийских долин, от нынешнего востока Франции до западной границы Австрии, захватывая большой кусок Северной Швейцарии. На этой широкой полосе Европы внук Рудольфа Старого, граф Рудольф, будет готовиться к самому дерзкому на тот момент предприятию Габсбургов – захвату самой Священной Римской империи^[29].

Габсбургам повезло, что через их исконные земли пролегали дороги, связывающие Северную Италию с Францией, на которых возникли таможенные посты. Также им повезло с политическими альянсами. И все же ранний этап укрепления власти Габсбургов оказался успешным прежде всего благодаря их родовому долголетию. Как выяснил усердный исследователь родословной Франца Фердинанда, Габсбурги всегда оказывались теми, кто выжил. Поколение за поколением они производили наследников; если сыновей не рождалось, находились кузены и племянники. Долгий век открывал возможность унаследовать достояние менее стойких родов, с которыми Габсбургов связывали брачные узы. В последующие века Габсбурги сохраняют это свое биологическое везение, и эффект Фортинбраса еще не раз откроет перед ними новые возможности. «Не победить, но выстоять – все в этом»^[30], – восклицал австрийский поэт Райнер Мария Рильке (1875–1926). В случае Габсбургов первые победы им принесло именно то, что они выстояли.

2

СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЗОЛОТОЙ КОРОЛЬ

В 1184 г. император Фридрих I Барбаросса (правил в 1155–1190 гг.) выстроил в Кайзерсверте таможенную башню, чтобы эффективнее собирать подати с судов, идущих по Рейну. На башне он повелел разместить такую надпись: «Император Фридрих воздвиг это чудо всей Империи, чтобы упрочить справедливость и принести всем мир». Сегодня мы бы презрительно поморщились в ответ на требование уплатить пошлину, выраженное в таких напыщенных фразах, но слова Фридриха многое говорят нам о том, чем современники считали Священную Римскую империю. Ее воспринимали вовсе не как единое королевство, а как союз областей и городов, обладавших своими, особыми «правами и вольностями» и становившихся со временем все более независимыми. В задачи империи входило создавать механизмы и условия, защищающие права и вольности ее субъектов так, чтобы, согласно тогдашнему пониманию справедливости, «каждый получал то, что ему причитается». Пошлины, законно взимаемые справедливым правителем, укрепляли мир и порядок, которые он был призван охранять. Эти пошлины следовало чтить, так же, как следовало осуждать незаконные поборы, накладываемые недобросовестными феодалами^[31].

Беда была в том, что Священная Римская империя не обладала системой управления, которая обеспечивала бы соблюдение прав и вольностей каждого. Там не было ни центрального правительства, ни постоянной налоговой службы, ни столицы, ни иерархии судов, уполномоченных вершить справедливость от лица правителя. Вместо этого власть находилась в руках высшей знати и князей, и именно они выбирали монарха, «короля римлян», который становился императором лишь после венчания папой. Знать, клир и представители городов, которые время от времени собирались на так называемые придворные ассамблеи, с трудом находили согласие. Они по-прежнему ждали указаний от правителя, но тот не имел необходимых для принуждения

ресурсов. Чтобы добиться своего, ему зачастую приходилось уступать и искать компромиссы, что лишало его последних остатков авторитета. На остроумном рисунке, датированном концом XIII в., император изображен уже не орлом со своего герба, а всего лишь дятлом на трухлявом дереве^[32].

Выход для правителя состоял в том, чтобы наращивать свое личное богатство и покупать за него власть в государстве. Историки не устают осуждать такую политику, упрекая императора за императором в том, что они заботились лишь о создании очагов личной власти и совсем не задумывались о крупных задачах. Но именно обилие имущества, которое они стяжали в Швабии, позволило приобрести влияние Штауфенам, первым из которых императорскую корону получил Фридрих Барбаросса. Однако императорам из этой династии хотелось утвердиться и в Италии, захватить земли и там. Это обернулось для них конфликтом со Святым престолом и с другими претендентами на богатства Апеннинского полуострова. В последнее десятилетие своего правления Фридрих II, внук Фридриха Барбароссы, подвергся сначала отлучению от церкви, а затем папскому низложению. За 20 лет после его смерти (1250) свой конец в Италии нашли законный сын, незаконнорожденный сын и старший внук Фридриха II – причем последнего казнили в Неаполе на эшафоте.

В Великое междуцарствие, длившееся с 1250 по 1273 г., в Священной Римской империи исчезло всякое подобие системы правления. Поскольку не было согласия в том, кому пристало занять место Фридриха II, на императорскую корону посягали сомнительные чужаки. По причинам, которые не могут вполне прояснить даже его современные биографы, объявить себя правителем решил король Кастилии и Леона Альфонсо X, но он так и не потрудился хотя бы раз посетить империю. Его соперник Ричард Корнуоллский, младший сын английского короля Иоанна Безземельного, пользовался широкой поддержкой трех архиепископов и более десятка князей, в 1257 г. избравших его своим монархом. Однако истинной целью Ричарда было обойти последнего из Штауфенов, чтобы подтвердить баснословные притязания Англии на Сицилию. Ричард довольно успешно правил в свои четыре посещения империи, но задерживался слишком ненадолго, чтобы оставить какой-то долговременный след^[33].

Смерть Фридриха II в 1250 г. привела к полному разгрому всех владений, привилегий и доходов Штауфенов в Швабии. Алчные соседи захватили не только их феодалы, но и земли, которыми Штауфены управляли по праву императоров, а не наследственных хозяев. То, что не расхитили сразу, позже зачастую раздали загнанные в угол наследники Фридриха. За разграблением последовали новые распри знати, не сумевшей добром разделить добычу. В общем хаосе растаскивались земли, никогда не входившие в наследие Штауфенов, взимались незаконные пошрины, а многие мелкие землевладельцы лишились последнего. «Наступают злые дни, и зло усиливается», – писал о 1270 г. один хронист. По разоренным землям потянулись процессии кающихся: люди хлестали себя плетью в надежде смягчить Божий гнев и обращались к прежним ересям^[34].

Больше всех от падения Штауфенов выиграл граф Рудольф Габсбург (1218–1291). Внук Рудольфа Старого, он унаследовал от отца Альбрехта Мудрого, умершего в 1239 г., большую часть габсбургских земель. Своим успехам он часто придавал видимость законного приобретения, убеждая наследников Фридриха II отписывать ему земли, доходы и права. Но не упустил он и случая отобрать, воспользовавшись безвластием, приданое у вдовы последнего Кибурга. Из-за своей жадности Рудольф нажил много врагов и участвовал как минимум в восьми конфликтах со своими соперниками. Хотя в таких стычках полагалось соблюдать определенные правила, например не воевать по определенным дням и заботиться о незащищенных, Рудольф был, по его собственному признанию, ненасытным воякой. Составленные в ту эпоху «Базельские анналы» дают нам о нем неплохое представление: в 1269 г. граф Рудольф безжалостно умертвил нескольких рыцарей в Страсбурге; в 1270-м три дня осаждал Базель; в 1271-м обложил подданных непомерными налогами, сжег монастырь, захватил деревни; в 1272-м разрушил замок Тифенштайн и двинулся на Фрайбург, по пути сжигая поля и истребляя людей; в 1273-м сровнял с землей Клинген и т. д.^[35]

Смерть Ричарда Корнуоллского (1272) дала выборщикам возможность снова собраться и по меньшей мере задуматься о восстановлении порядка. Несмотря на многочисленность выборов Ричарда в 1257 г., считалось, что выборщиков должно быть семеро, но кто именно входит в их число, было неясно. По настоянию папы Григория

X крупнейшие князья империи заранее договорились, что голосовать следует единодушно: раскол мог обернуться гражданской войной. Только вот беда: очевидного кандидата не просматривалось.

Самым влиятельным князем в Священной Римской империи был тогда король Чехии Отакар II. Он метил в императоры и считал, что имеет право голоса на выборах нового короля римлян, потому что Чехия входит в состав империи. Но Отакару не доверяли, а его славянское происхождение считалось для выборщика недопустимым, поэтому место Отакара в коллегии занял герцог Баварский. Из прочих важных властителей особой охоты занять трон не выказывал никто. Больше двух столетий до этого императоры настолько плотно занимались делами Швабии и соседней с ней Франконии, что два этих герцогства стали как бы синонимом империи. А вот Бранденбург и саксонские герцогства лежали на удалении от центра империи, и их властителей слишком занимали собственные дела и экспансия на восток. В Баварии и в Пфальце герцогами были братья из рода Виттельсбахов, которые настолько не ладили меж собой, что всячески вредили интересам друг друга^[36].

Таким образом, ни у кого из выборщиков не обнаружилось ни желания, ни возможности организовать единогласие. И этим воспользовался Рудольф Габсбург. Его привлекало как раз то, что отпугивало остальных: связь между императорской властью и юго-западной частью Священной Римской империи, которую Габсбурги уже начали прибирать к рукам. Но устремления Рудольфа объяснялись не одними лишь территориальными интересами. Как крестник императора Фридриха II, он считал себя преемником Штауфенов в ситуации, когда кровных наследников Фридриха уже не осталось. Кроме того, Рудольф был самым крупным феодалом в Швабии, откуда происходил дом Штауфенов, и потому лучше всех годился в такие преемники. В этом смысле он смотрелся не выскочкой, а «продолжателем традиции»^[37].

С точки зрения выборщиков, Рудольф был подходящей кандидатурой. Ему уже исполнилось 55, и можно было не беспокоиться, что он будет представлять угрозу в долгой перспективе. Сам поживившийся землями Штауфенов, он, верно, не станет требовать возврата земель, присвоенных другими крупными магнатами. Кроме этих циничных соображений подкупало и то, что Рудольф внешне соответствовал новой роли. Он был рослым – один источник

приписывает ему рост семь футов, а германский фут в те времена был чуть длиннее нынешнего британского (30,48 см) – и обладал яркой внешностью. Насмешники говорили, что своим длинным носом Рудольф мог перегородить дорогу как шлагбаумом. К тому же в ту эпоху, когда большинство князей только разглагольствовали о Крестовых походах, Рудольф в самом деле стал крестоносцем – и отчаянно бился в 1250-х гг. на балтийском побережье с язычниками-пруссками (пусть и в качестве епитимьи за сожженный монастырь). 29 сентября 1273 г. в Ахене Рудольфа избрали, а в октябре увенчали королевской диадемой^[38].

Современники записали о Рудольфе несколько десятков историй, восхваляющих его смекалку, храбрость, набожность и мудрость. Несомненно, многие из этих анекдотов были его же пропагандой, но все же они рисуют нам широкую натуру, полностью противоположную тому, как предпочитали описывать Рудольфа его верные чиновники: «Умеренный в еде, питье и во всех вещах». Впрочем, главными качествами, которые воспитала в Рудольфе жизнь, проведенная в войне и грабежах, были терпение и расчетливость, и в этом смысле, наверное, не случайно его увлечение шахматами. Речь, произнесенная им на коронации в Ахене, представляла собой настоящий шедевр напускной скромности: «Сегодня я прощаю все обиды, нанесенные мне, выпускаю на свободу всех пленных, томящихся у меня в темницах, и обещаю впредь быть хранителем мира на земле, как прежде я был неутомимым воителем»^[39].

Пока Рудольф был лишь королем. Чтобы получить императорский титул, он должен был быть коронован в Риме папой. Несмотря на это, Рудольф торжественно говорил о себе «Мы и Империя» и добавил к своему титулу фразу, которая останется частью официального языка до XIX в.: «Во все времена приумножитель империи». Рудольф по большей части исполнил то, что обещал в коронационной речи. Он прекратил распри с соседями, хотя и на выгодных ему условиях, и в союзе с рейнскими городами принялся уничтожать разбойничьи гнезда в долине реки. О том, как он наводил порядок, поныне свидетельствуют руины расположенного близ Рюдесхайма замка Зоонек, пусть и частично восстановленного в XIX в. в неоготическом стиле, или легенда о рыцарях-разбойниках из Райхенштайна, которых он повесил,

после чего пустил бревна их виселицы на часовню, чтобы там молились за упокой их душ^[40].

Не менее важной была проведенная Рудольфом реформа системы охраны порядка. И до него многие правители обещали «мир на земле», запрещали любое насилие и назначали суровые кары за малейшее нарушение закона. Но лишь немногие умели наладить механизмы надзора, без которых распри вскоре вспыхивали с прежней яростью и возвращалось «право сильного». Рудольф же доверил блюсти мир в своих землях наместникам-ландфогтам (Landvogt), которым вменялось в обязанность поддерживать порядок силой оружия. А чтобы финансировать эту систему, Рудольф в 1274 г. обложил все города империи новым налогом, который спустя восемь лет собрал повторно. Разделение империи на отдельные части, которые должны были сами поддерживать у себя мир и общественное спокойствие, стало первым шагом к сложившейся после 1500 г. системе «имперских округов» и институтам охраны правопорядка, просуществовавшим до XIX столетия^[41].

Ландфогтов Рудольф обязал не только поддерживать порядок, но и возвращать все имперские земли, которые были розданы после 1245 г. Эта политика, опиравшаяся на военную силу, относительно успешно проводилась в Швабии и соседней Франконии. Возвращенные таким образом территории переходили напрямую к Рудольфу – ведь, как король, он считался их законным владельцем. Вместе с тем сам Рудольф не отказался от имперских земель, которые присоединил к своим родовым владениям, и не спешил возвращать другие противоправно захваченные территории. Также он не видел смысла обострять отношения с Виттельсбахами из Баварии и Пфальца, обязуя их сдать захваченную собственность^[42].

Программа возврата утраченных имперских земель распространялась и на права и привилегии. Никто не нарушал их так дерзко, как чешский король Отакар (ок. 1232–1278). Еще будучи наследником чешского трона, он захватил герцогство Австрийское, оставшееся без правителя после смерти в 1246 г. герцога Фридриха II, последнего из династии Бабенбергов. В подтверждение своих прав на Австрию Отакар ссылался на приглашение местной знати, и, похоже, он действительно пользовался поддержкой заметной ее части. Чтобы прочнее закрепиться на троне, он взял в жены сестру герцога Фридриха

Маргариту. Эта дама повидала на своем веку немало. Она была замужем за больным проказой сыном императора Фридриха II Генрихом, а овдовев, стала монахиней, но покинула монастырь, чтобы заявить свои права на Австрийское герцогство. Женщина под пятьдесят, она была старше Отакара на добрых 30 лет. Помимо очевидной проблемы наследника, которого этот союз никак не мог ему подарить, Отакар столкнулся и с другими трудностями. Как имперский лен Австрия после пресечения рода Бабенбергов подлежала возврату в Священную Римскую империю, а затем должна была отойти к новому сеньору, выбранному императором. Ни решение австрийской знати, ни брак с Маргаритой не делали Отакара владельцем Австрийского герцогства.

В последующие десятилетия Отакар распространил свою власть на Штирию, ранее захваченную венгерским королем, и на сопредельные герцогства Каринтию и Крайну, заявив сомнительные права наследования. В 1253 г., после смерти своего отца, он также стал королем Чехии. Однако спор о наследии Бабенбергов оставался неразрешенным. В 1262 г. Ричард Корнуоллский признал Отакара их полноправным наследником, но власть самого Ричарда постоянно оспаривалась, и даже то небольшое влияние, что у него имелось, полностью испарилось с его окончательным отбытием в Англию в 1269 г. К тому же после нескольких лет брака Отакар отказался от Маргариты и взял в жены 16-летнюю венгерскую принцессу. Эта прекрасная Кунигунда подарила ему желанного наследника, но никак не могла помочь в притязаниях на Австрию.

Отакар оставался узурпатором, притом опасным. Его владения были самыми обширными в империи – он управлял всей ее восточной окраиной. Отакар был несметно богат: источником его состояния главным образом служили чешские рудники и прибыльные монетные дворы. Сокровища его, согласно одному из тогдашних источников, лежали навалом в четырех неприступных замках. Там хранилось не менее 200 000 серебряных марок и не менее 800 золотых марок в виде монет, блюд и кубков, украшенных драгоценными камнями. Кроме того, приблизительно в 100 000 серебряных марок оценивался ежегодный доход Отакара от Чехии, к которому, пожалуй, можно добавить приблизительно такую же сумму, получаемую от австрийских владений. Для сравнения: весь доход архиепископа Кельнского в то время составлял 50 000 серебряных марок, а герцога Швабского –

20 000. Доходы же имперской казны тогда равнялись всего лишь 7000 серебряных марок. В знаменитой шутке Рудольфа о том, что ему нет нужды нанимать имперского казначея, поскольку вся императорская казна – пять шиллингов в мелкой монете, имелась доля правды, так же как и в ходившем тогда прозвище Отакара – Золотой король^[43].

Как и Рудольф, Отакар участвовал в Крестовых походах – даже дважды, и крестоносцы расположенного на севере Тевтонского ордена назвали в его честь город, который он помог основать на балтийском побережье: Кёнигсберг (буквально «королевская гора», ныне российский Калининград). Для Отакара Рудольф был ничтожеством, недостойным королевского титула, – о чем он не преминул сообщить папе. Отакар выступил против избрания Рудольфа, а после продолжал заявлять, что оно незаконно, потому что ему не дали права голоса. Отакар открыто демонстрировал свои амбиции, имитируя в письмах стиль императорских грамот и включив в число своих геральдических эмблем имперского орла. И хотя Чехия, как и Австрия, была имперским леном, Отакар отмахнулся от этого, объявив, что его власть там не просто власть правителя, но власть «милостью Божьей, которой все короли царствуют, а монархи правят»^[44].

Рудольф переиграл Отакара. Он помирился с противниками, переженив их на своих дочерях, которых у него было ни много ни мало шесть, а поведение Отакара преподносил как глумление не над собой, а над достоинством самой Священной Римской империи. Вскоре после избрания королем Рудольф убедил рейхстаг осудить Отакара за невозврат земель, по закону принадлежащих империи. Тот отказался подчиниться этому решению, и тогда его объявили вне закона, что, выражаясь тогдашним языком, приравнивало его в правах к дикой птице (Vogelfrei) – о ней никто не заботится, ей приходится жить в лесу и ее даже может убить всякий, кому того захочется. Для пущего эффекта архиепископ Майнцский отлучил Отакара от церкви, освободил всех его подданных от принесенной Отакару присяги и запретил в Чехии освящение Святых Даров. Во всем королевстве Отакара замерла церковная жизнь^[45].

Рудольф выжидал, привлекая новых союзников и распуская слухи: будто папа тоже отлучил Золотого короля; будто Отакар запер в монастырь десятилетнюю дочь, чтобы она не могла выйти замуж за кого-нибудь из сыновей Рудольфа; будто некоему отшельнику явился во

сне сфинкс, предрекший Отакару скорую смерть, и тому подобное. Наконец, в конце лета 1276 г. Рудольф перешел к действиям, нанеся удар Отакару не в Чехии, где тот его ждал, а вдоль Дуная. Вынужденный одновременно противостоять мятежам в своих владениях и врагу, уже вступившему в Вену, Отакар сложил оружие. Летописец рассказывает, как чешский монарх в своем пышном одеянии предал себя в руки Рудольфа, который принял Золотого короля в невзрачном платье со словами «Он часто смеялся над моей серой мантией, пусть и сейчас посмеется!». Отакар простерся ниц перед Рудольфом, сидевшим на троне, и получил от него обратно как лен Чехию, но не Австрию, которую Рудольф оставил за собой^[46].

Образ могущественного, облаченного в золото и драгоценные камни короля, униженного перед скверно одетым соперником, – средневековое клише, которое должно было показать кротость Рудольфа. Впрочем, Отакар явно не собирался исполнять свои клятвы. Вернувшись в Чехию, он употребил свои богатства на подкуп бывших союзников Рудольфа и возбуждение недовольства властью Габсбургов в Австрии. Летом 1278 г. война возобновилась, причем заметную часть армии Рудольфа составляли силы, набранные в Венгрии. Противники сошлись у Дюрнкрута, в 40 км к северо-востоку от Вены. Рудольф с его примерно 10 000 воинов имел численное превосходство, но большую часть его армии составляли пехота и легкая кавалерия. Поэтому он прибег к хитрости. В нарушение рыцарского кодекса, считавшего подобные уловки постыдными, Рудольф спрятал в засаде резерв из нескольких сот тяжелых рыцарей. В решающий момент они ударили вражеской армии во фланг, смяв боевые порядки Отакара и сразив самого чешского монарха. Солдаты Рудольфа надругались над телом врага, разрубив его на части, чтобы снять дорогие доспехи.

Опасаясь, как бы не появились новые претенденты, которые будут выдавать себя за Отакара, Рудольф приказал выпотрошить тело, чтобы замедлить разложение, и больше чем на полгода выставил его на всеобщее обозрение в Вене. На следующий год, в 1279-м, останки Отакара перевезли в Чехию и наконец погребли в пражском соборе Святого Вита, где они покоятся и поныне. На крышке саркофага лежит изваянная в XIV в. фигура короля, которую немецкие историки искусства на своем эзотерическом языке описывали словом *dunpferregt*, что можно приблизительно перевести как «смутно

взволнованный». Чешское королевство Рудольф, однако, не стал присоединять к своим землям, считая его бесполезной обузой, вместо этого выдал свою последнюю незамужнюю дочь за сына и наследника Отакара, известного распутника Вацлава II^[47].

Остаток правления Рудольфа до его смерти в 1291 г. был чередой неудач. Он так и не смог добиться от папы императорской короны и довольствовался титулом короля. Как и все его предшественники, он также не преуспел в намерении установить в Священной Римской империи наследственную монархию. Вместо этого ему пришлось удовлетвориться тем, чтобы в число выборщиков попало как можно больше князей, связанных с домом Габсбургов брачными узами: это, по его мнению, могло обеспечить их лояльность. Попытки Рудольфа восстановить для своих наследников герцогство Швабия тоже потерпели провал, не в последнюю очередь потому, что из четырех его сыновей лишь один пережил отца^[48].

В «Чистилище», написанном Данте в начале XIV в., мы видим Рудольфа и Отакара вместе в «долине земных властителей»^[49], предназначенной для монархов, которые в погоне за мирской славой пренебрегали своими душами. Отакар там утешает Рудольфа. Впрочем, легендарное противостояние Рудольфа и Золотого короля решило не только судьбы самих монархов. С захватом австрийских земель Рудольф стал владыкой солидной части Центральной Европы и переменял судьбу Габсбургов. Добавив к родовым землям в Швабии огромную территорию на востоке, Габсбурги как будто приготовились преобразить всю Священную Римскую империю, использовать свои личные ресурсы для укрепления государственной власти и наладить управление. Но эти надежды оказались преждевременными и для Священной Римской империи, и для Габсбургов^[50].

УТРАЧЕННОЕ МЕСТО И ВЫДУМАННОЕ ПРОШЛОЕ

Четырнадцатый век должен был принадлежать Габсбургам. По всей Центральной Европе угасали королевские и княжеские династии. В 1301 г. пресеклась венгерская династия Арпадов, пять лет спустя та же участь постигла династию чешских Пржемысловичей, к которой принадлежал Отакар II. Затем, в 1320 г., угасла Асканийская династия маркграфов Бранденбурга. Однако биологическое невезение других семей не помогло Габсбургам. Напротив, именно в XIV столетии они оказались лишены положения и влияния в Священной Римской империи. Будущее, казалось, принадлежало баварским Виттельсбахам и новым властителям Чехии – Люксембургам.

Рудольфа, умершего в 1291 г., похоронили в склепе Шпайерского собора рядом с императорами из династии Штауфенов. Однако князья-выборщики (по-немецки курфюрсты, Kurfürsten) твердо решили не дать Габсбургам занять место Штауфенов и распоряжаться Священной Римской империей как семейным имуществом. Они сговорились не допустить к трону Альбрехта (1255–1308), сына и наследника Рудольфа. Тем не менее Альбрехт с помощью горстки князей ловко добился избрания королем своего марионеточного кандидата Конрада Текского. Но после избрания Конрад не прожил и двух дней: неизвестный убийца раскроил ему череп. Королем стал соперник Конрада и Альбрехта Адольф Нассауский. Большинство курфюрстов поддержали Адольфа именно потому, что у него не было своих земель и его можно было не опасаться, однако, оказавшись на троне, Адольф принялся прибирать к рукам все, что только мог. Курфюрсты обратились за помощью к Альбрехту, который разгромил Адольфа и убил его. За это в 1298 г. Альбрехта избрали королем^[51].

Историки не жаловали Альбрехта I, слишком охотно принимая на веру рассказы его врагов: будто бы он был «неотесанным чурбаном, одноглазым, наводящим дурноту одним своим видом... скрягой, туго затягивавшим мошну и ни гроша не дававшим империи, а разве только

своим отпрыскам, которых у него было множество». Глаз у Альбрехта действительно был только один. В 1295 г. врачи приняли его болезнь за симптомы отравления и, чтобы вывести почудившуюся им ядовитую жидкость, подвесили его к потолку вниз головой. От высокого давления в черепной коробке он и лишился одного глаза. Верно и то, что Альбрехт был плодовитым отцом: он произвел на свет не менее 21 ребенка, из которых до взрослых лет дожило 11. Их браки с представителями королевских и княжеских домов Франции, Арагона, Венгрии, Польши, Чехии, Савойи и Лотарингии говорят о высоком престиже Альбрехта и его рода^[52].

Как и его отец, Альбрехт стремился короноваться императором в Риме. Папа Бонифаций VIII надменно принял послов Альбрехта, заявив, что императорский титул находится в его безраздельной власти. Восседавая на троне святого Петра под тяжестью массивной золотой тиары святого Сильвестра, украшенной 220 драгоценными камнями, папа изрек: «Я – король римлян, я – император». Но погубил Альбрехта не понтифик, а семейный конфликт. Король Рудольф пообещал своему младшему сыну Рудольфу наследство не меньшее, чем у Альбрехта, но не сдержал слова. Наследник младшего Рудольфа Иоганн Швабский, которого дразнили герцогом Безземельным, страдал от насмешек и требовал свою долю в наследстве Габсбургов, однако Альбрехт предпочитал даровать титулы и земли собственным детям. В первый день мая 1308 г. Иоганн с небольшим отрядом рыцарей напал на Альбрехта и зарубил его. Все, что выиграл Иоганн от этого бессмысленного убийства, – пожизненное заключение в монастыре в Пизе и новое прозвище Родителеубийца (Parricida – имеется в виду убийца и любого старшего родственника)^[53].

После смерти Альбрехта королем избрали Генриха Люксембургского – по той же причине, что и Адольфа Нассауского 10 лет назад. Чтобы не подпустить к трону Габсбургов, нашли такую фигуру, которая ничем не могла угрожать самим курфюрстам. Но, как и Адольф, Генрих немедленно принялся наращивать свое влияние – в этом случае присвоив корону Чехии. В 1312 г. Генрих даже съездил в Рим, чтобы папа короновал его императором, чего уже почти сто лет не делал ни один король римлян. На следующий год Генрих умер от малярии, которую подхватил в том самом путешествии. К этому моменту немецкие летописцы уже настолько привыкли к убийствам

своих правителей, что написали, будто Генриха по указанию папы отравили вином для причастия^[54].

Собравшиеся в 1314 г. во Франкфурте курфюрсты побоялись избрать сына Генриха Иоганна Люксембургского, человека поразительной личной храбрости. Голоса разделились между сыном Альбрехта Фридрихом Красивым (1289–1330) и герцогом из рода Виттельсбахов Людвигом Баварским. Десять лет эти двое вели войну за корону. Фридриху судьбой были уготованы обнищание, поражение, пленение, невыгодное мирное соглашение и в 1330 г. ранняя смерть в одиночестве в крепости Гутенштайн к западу от Винер-Нойштадта. Два брата Фридриха поспешили примириться с Людвигом, признав его законным королем. К этому времени упадок Габсбургов был очевиден. Если в предыдущем поколении их браки заключались с королевскими домами Европы, теперь Габсбургам приходилось искать союзов с более скромными семействами малоизвестных польских князей и мелкой французской знати.

Символичным было и поражение, которое Габсбурги потерпели от швейцарцев. В 1291 г. швейцарские «лесные кантоны» Ури, Швиц и Унтервальден объединились для создания оборонительного союза, который, впрочем, быстро стал наступательным, причем нацеленным против Габсбургов. В целом это был ответ на экспансию Габсбургов в альпийские долины, где после присоединения владений Кибургов династия принялась захватывать земли, таможенные посты и феодальные права. Король Людвиг вступил с лесными кантонами в союз против Фридриха Красивого. В конце 1315 г. брат Фридриха Леопольд вошел в долины, чтобы отстаивать свои права, но его войско попало в засаду и потерпело поражение от армии Ури и Швица. Битва при Моргартене стала первым крупным сражением, где швейцарцы применили против кавалерии смертоносную алебарду с крюком. Крюками они стаскивали рыцаря с седла, а затем пронзали его острым наконечником. Алебарда по сей день остается церемониальным оружием папской швейцарской гвардии в Ватикане.

В 1356 г. престиж Габсбургов рухнул окончательно. В тот год преемник короля Людвиг Карл IV Люксембургский, только что получивший в Риме титул императора, издал документ, известный как Золотая булла (по подвешенной к ней золотой печати, *bulla*). Она закрепляла новую схему избрания римского короля и определяла

личности семи выборщиков – трех архиепископов прирейнских городов и четырех светских князей, которые впредь будут передавать это право по наследству. Несмотря на то что они несколько раз участвовали в избрании королей, Габсбургов в новую коллегия курфюрстов не включили, вычеркнув их тем самым из самого важного учредительного документа в истории Священной Римской империи. В плане раскладки для будущих заседаний рейхстага, которым Карл дополнил Буллу, император четко дал понять, как сильно упал статус Габсбургов, поместив их во второй ряд, позади курфюрстов, прелатов и высших сановников империи. Ответ Габсбургов стал идеологическим переворотом, навсегда изменившим их понимание собственного места и исторической миссии. В отместку за оскорбление, нанесенное Карлом, они оторвали свое швабское прошлое, став австрийцами и римлянами^[55].

Первые 50 лет своего правления как герцогов Австрии Габсбурги считали ее второстепенной по отношению к родной для них Швабии. Австрию эксплуатировали, собирая там средства на оборону других территорий, и использовали как опорный плацдарм для походов в Чехию, полагая последнюю более ценным приобретением. Только после 1330 г., когда главой рода стал брат Фридриха Красивого, страдавший артритом Альбрехт Хромой (1298–1358), Габсбурги стали проявлять к Австрии хоть какой-то устойчивый интерес. Поскольку швейцарцы не уменьшали натиск на земли и крепости Габсбургов в Аргау, Альбрехт перенес свой двор в Старую крепость в Вене, вокруг которой впоследствии вырастет Хофбург. Альбрехт также начал строить в нижнеавстрийском Гаминге семейную усыпальницу и вернул заложенные его дедом Каринтию и Крайну. Из-за того что Альбрехт подолгу жил в Австрии, Габсбурги удостоились в одной из тогдашних хроник определения «австрийцы», именно в этот момент впервые употребленного таким образом. Если раньше Габсбурги управляли Австрией через наместников, то теперь они, наоборот, посылали управляющих в Швабию^[56].

Возможно, поначалу Габсбурги не знали, что делать с Австрией, но Австрия знала, что делать с Габсбургами. Изначально это было пограничье, именовавшееся «Восточный край» (Ostarrîchi – это название впервые упоминается в 996 г.), а его первые правители принадлежали к семье Бабенбергов. Алчущие величия Бабенберги

породнились и с византийскими императорами, и с правителями Священной Римской империи и потому считали, будто им доверено наследие Рима. Их демонстративная набожность выразилась в строительстве густой сети монастырей, где поколения благодарных монахов возносили им хвалу в своих сочинениях. О репутации Бабенбергов говорят прозвища, под которыми их запомнили потомки: Блистательный, Благодетельный, Славный, Сильный, Святой. Только у последнего из Бабенбергов, Фридриха II (умер в 1246 г.) было не столь благозвучное прозвище – Сварливый^[57].

В генеалогических таблицах Бабенбергов иногда встречались живописные описания австрийских местностей и городов. Мало-помалу вера в исключительность правящей семьи слилась с идеей, что и сама эта земля, и ее народ тоже особенные. Наметилась литературная традиция, в которой австрийцы выдавались за потомков древних готов или даже возводились к героям Древней Греции и Рима. Древнеримское название Австрии Норик (Noricum) позволяло предположить, что ее основал сын Геракла Норикс, который пришел откуда-то из района Армении и пожаловал своим сыновьям Австрию и Баварию. Владения Бабенбергов были колыбелью эпоса о Нибелунгах, в ранних версиях которого сюжеты из германской мифологии сплетаются с элементами истории правящей династии^[58].

Все это Габсбурги поставили себе на службу, расширив заложенные Бабенбергами монастыри в Хайлигенкройце и Тульне, а также заставив летописцев и поэтов прославлять уже свое благочестие. Постепенно истории Бабенбергов и Габсбургов слились в одну, так что Бабенберги стали предками Габсбургов, в знак чего Габсбурги часто крестили детей семейным именем Бабенбергов Леопольд. Оно было особенно ценно тем, что отсылало к Леопольду III Бабенбергу, который, хотя и не был канонизирован, после смерти сотворил достаточно чудес, чтобы считаться святым. В те времена, когда святость добавляла блеска династии, Габсбургам в противном случае не хватало бы подходящих предков.

Кроме того, Габсбурги не замедлили обзавестись собственной римской родословной, приписав себе происхождение от легендарного сенаторского рода Колонна. Хронисты обогатили эту версию рассказом о двух братьях, изгнанных из Рима и пересекших Альпы, где один из них основал замок Габсбург. Составитель Кёнигсфельдской хроники

еще более изобретательно сплетает свое повествование о Габсбургах с темами римского наследия, святости и пророчеств. Перечислив императоров от Августа до Фридриха II, он переходит к рассказу о жизни Рудольфа Габсбурга, а затем излагает биографию внучки Рудольфа Агнессы, которая после недолгого пребывания в Венгрии в качестве королевы оставила мирскую жизнь, чтобы поселиться рядом с аббатством Кёнигсфельд неподалеку от Бругга. Но первым делом кёнигсфельдский хронист пересказывает старую легенду о найденной в Испании внутри скалы огромной книге с деревянными страницами, на которых на латыни, греческом и древнееврейском записана вся история мира, включая будущее и Судный день. Вывод напрашивался сам собой: Габсбургам, которых подвиги Агнессы наделяли святостью, было суждено и предсказано править Священной Римской империей^[59].

В 1350-е гг. мысль об исключительности Габсбургов вылилась в целую политическую программу. Обиженный и униженный Золотой буллой Карла IV Рудольф Габсбург (1339–1365) намеревался как восстановить престиж семьи, так и создать сплоченное территориальное государство, которое превзойдет всех конкурентов. Он взялся за это дело с энергией, быстротой и воображением, которые не соответствовали его молодости и напугали его соперников. В 1358 г., спустя всего несколько месяцев после смерти своего отца Альбрехта II, юный Рудольф поручил писцам создать пять подложных грамот. Эти фальшивки должны были поставить Габсбургов впереди всех князей Священной Римской империи благодаря утверждениям, что прошлое Габсбургов неразрывно связано с Австрией и Римом. Это был самый дерзкий подлог средневековой европейской истории со времен «Константинова дара», в VIII в. наделившего папу высшей властью в христианском мире. Более того, сфабрикованы грамоты Рудольфа были заметно профессиональнее^[60].

Три из пяти грамот подтверждали две другие, текстуально соединяя весь этот обман в единое целое. Суть подлога содержалась в первых двух грамотах, известных как «Псевдо-Генрих» и «Большая привилегия» (*Privilegium Maius*). Автор «Псевдо-Генриха» – вероятно, канцлер Рудольфа – выдал свой текст за грамоту, изданную императором Генрихом IV в 1054 г. и пересказывающую содержание двух писем, хранившихся у герцога Эрнста Бабенберга. Первое письмо – якобы от Юлия Цезаря – было адресовано людям «восточной

земли», под которой явно подразумевалась Австрия. Юлий Цезарь приказывал признать правителем этой земли своего дядю, особо оговаривая, что его власть будет полной, «властью сеньора». Далее там говорилось, что упомянутый дядя отныне входит в высшие советы Римской империи, так «чтобы впредь не решалось ни одного важного вопроса или иска без его ведома». Во втором письме, упомянутом в «Псевдо-Генрихе», к людям востока похожим образом обращался император Нерон. Нерон заявлял, что поскольку своим благородством жители востока превосходят остальные народы Римской империи, то он по совету сената освобождает их от уплаты всех имперских налогов и дарует им свободу на веки вечные.

В отличие от «Псевдо-Генриха» «Большая привилегия» была хотя бы частично подлинной, поскольку основывалась на тексте изданной Фридрихом I Барбароссой хартии 1156 г., по которой статус Австрии повышался до герцогства. Однако к оригинальному тексту многое добавили. Австрия провозглашалась «щитом и сердцем» Священной Римской империи, благодаря чему австрийскому герцогу предоставлялись все суверенные права внутри герцогства. Ему даровался титул «эрцгерцога императорского двора», обладателю которого были положены особые корона и скипетр, а также право сидеть по правую руку от императора. Для укрепления его власти герцогу разрешалось передавать герцогство целиком старшему сыну, а в отсутствие сыновей – дочери. Эту исправленную хартию впоследствии стали называть «Большой привилегией», чтобы не путать ее с подлинной хартией 1156 г., которая со временем стала известна как «Малая привилегия».

Три остальные грамоты, подтверждающие «Псевдо-Генриха» и «Большую привилегию», содержали кое-какие дополнительные пункты. В торжественных процессиях герцог (теперь уже эрцгерцог) и его свита всегда должны были идти впереди всех, а в корону эрцгерцога позволялось помещать королевскую повязку, которую обычно носили монархи. Архиепископ Зальцбургский и епископ Пассау, к юрисдикции которых относилась Австрия в церковном плане, теперь подчинялись эрцгерцогу. Как и две грамоты, которые они подтверждают, эти вспомогательные документы свидетельствуют о том, что Рудольфом двигало не только, как принято считать, негодование по поводу Золотой буллы 1356 г. и, соответственно, стремление добавить себе очков. Акцент на полноте власти эрцгерцога в Австрии, подчинении ему

церковных иерархов и возможности без ограничений передавать свой титул по наследству свидетельствует, что эти фальшивки имели целью еще и усилить власть эрцгерцога в его собственных землях, а не только изменить этикет императорского двора и внешний вид эрцгерцогского головного убора.

«Псевдо-Генрих» с его письмами Цезаря и Нерона был разоблачен почти немедленно. В 1361 г. итальянский гуманист Петрарка в письме императору Карлу IV отметил анахронизмы в тексте и отозвался о нем пренебрежительно, как о «пустом, напыщенном, без доли правды, сочиненным невесть кем, но вне всяких сомнений человеком необразованным... не только смехотворном, но и тошнотворном». «Большая привилегия» между тем имела большой успех. К ней обращались, чтобы подтвердить право Марии Терезии наследовать австрийский престол после смерти ее отца в 1740 г., и только в середине XIX в. было доказано, что документ подложный. Для сравнения: «Дар Константина» признали подделкой уже в XV столетии^[61].

В 1360 г. Рудольф представил пять своих поддельных грамот на утверждение императору Карлу IV вперемешку с семью подлинными документами. Карл оспорил некоторые частности, но в целом неохотно признал документы «в той мере, в какой их положения не расходятся с законом». Однако он не изменил состав коллегии выборщиков и рассадку в имперском собрании в соответствии с новым статусом Рудольфа. Это не помешало Рудольфу отныне использовать титул эрцгерцога и носить придуманную им эрцгерцогскую корону. Не сразу, но и корона, и (чуть позже) титул вошли в обиход у его наследников, а максимум к середине XV в. и у всех старших членов дома Габсбургов^[62].

Герцогство Австрия, как и соседние Штирия, Каринтия и Крайна, представляло собой не столько определенную территорию, сколько набор прав. Некоторые земли в нем принадлежали эрцгерцогу, а другие независимо от него жаловались непосредственно монархом. «Большая привилегия» устанавливала в Австрии абсолютную власть герцога, и Рудольф приступил к воплощению своих притязаний в жизнь. Все земли, ранее жаловавшиеся монархом, теперь принадлежали ему, и только он мог ими распоряжаться. Одним из крупнейших держателей имперских земель в Каринтии был патриарх Аквилеи, чей громкий титул был пережитком VI в. и едва ли соответствовал ничтожной

власти, которую давал теперь этот пост. Патриарх оказался упрям, так что Рудольф вторгся в его земли и заставил его подчиниться. Об Эльзасе в «Большой привилегии» не было ни слова, но Рудольф распространил тот же принцип и на эту территорию, заявив, что по природе своего титула он не подданный, но «хозяин всех прав и вольностей»^[63].

Архиепископ Зальцбургский и епископ Пассау оказались более сложными противниками, поскольку ни один из них не собирался ужимать свою епархию, чтобы позволить Рудольфу осуществить свой план создания австрийского епископства с центром в Вене. Тем не менее Рудольф продолжил перестраивать венскую приходскую церковь Святого Стефана, как если бы это был кафедральный собор, заменив ее романский неф огромным готическим и повелев возвести две башни (из которых построили только одну). Он учредил в храме капитул каноников – что было нарушением всех правил, поскольку там не служил епископ, а облачение каноникам дал кардинальское, с алыми камилавками и золотыми наперсными крестами. Перестроенная церковь должна была прославлять дом Габсбургов, так что в нефе Рудольф поставил статуи своих предков и собственную, а в крипте устроил усыпальницу для потомков. Рядом Рудольф начал строить университет, который должен был поспорить с университетом Карла IV в Праге. За эту перестройку церкви Святого Стефана Рудольф получил прозвище Основатель. Он сам его и выбрал, а потом приказал вырезать его тайными рунами на собственном саркофаге, размещенном в северном хоре храма^[64].

В искусстве обмана Рудольф нашел себе равного. Графство Тироль разбогатело на своих золотых и серебряных копях, а также на таможенных сборах с дорог через перевал Бреннер, связывающий Италию с немецкими городами. В начале 1360-х гг. Тиролем владела вдова Маргарита, чье прозвище Маульташ («Большой рот») было самым добрым из длинного перечня эпитетов. Сначала она вышла за одного из Люксембургов, потом была женой Виттельсбаха; единственного сына, пережившего младенчество, она лишилась в начале 1363 г. Тироль оказался лакомой добычей, и в претендентах на него недостатка не было. Но Маргариту голыми руками было не взять. Первого мужа она буквально вытолкала за дверь, а потом вышла за второго, не потрудившись оформить развод. Отлучение от церкви ее не

особенно встревожило; она тиранила и нового мужа, и рано умершего сына.

Маргарита и Рудольф заключили сделку. В обмен на пожизненное сохранение за собой Тироля она пообещала завещать его Рудольфу. Но ее советники, которые были основными землевладельцами в графстве, в январе 1363 г. заставили ее согласиться на то, что все договоры с иностранными князьями заключаются только с одобрения этих самых советников. Маргарита пыталась склонить их на свою сторону, одаривая землями и иными благами, но безуспешно. Не помог даже приезд в Инсбрук самого Рудольфа. Чтобы убедить советников, Маргарита и Рудольф вместе состряпали новую подложную грамоту. В этой фальшивке говорилось, что четыре года назад Маргарита поклялась отдать Тироль Рудольфу и что эту торжественную клятву отменить она не может. Хотя на грамоте стояла не та печать, ей поверили. Январское соглашение формально утратило силу, и советники уступили, подтвердив это письмом, заверенным 14 их печатями. К концу года Рудольф убедил Маргариту отречься, предложив ей щедрое содержание в Вене. Тироль достался ему. А вслед за Тиродем позже последовало и графство Горица (Гёрц и Градишка) на Адриатике, принадлежавшее дальним родственникам Маргариты, чей род вымер в 1500 г.^[65]

Рудольф умер в 1368-м, всего 25 лет от роду. Стояло жаркое лето, и тело быстро разлагалось, поэтому его выварили, чтобы удалить с костей плоть. Однако скелет погребли в крипте собора Святого Стефана, а не в саркофаге в северном хоре, как хотел сам Рудольф. Пустая гробница с рунами и изображенным в натуральную величину Рудольфом в эрцгерцогской короне в какой-то мере служит метафорой его правления – напыщенного и напористого, но лишенного внутреннего содержания. Рудольф не сумел добиться той репутации для себя и того значения для Австрии, ради которых он столько старался, в том числе идя на подлог. Он не получил ни епископства, которого жаждал, ни признания равенства с курфюрстами. Основанный им университет, который и поныне носит его имя, представлял собой несколько комнат в городской школе. Нанять профессоров и дать университету надлежащее помещение предстояло уже его брату. Основным приобретением Рудольфа стал Тироль, добытый с помощью ухищрений^[66].

Однако Рудольф достиг чего-то более изощренного. Привив Габсбургам историческое самосознание и набор представлений о самих себе, он превратил династию в нечто большее, нежели просто группа кровных родственников. Вымышленное римское и австрийское прошлое, сочиненный титул и изобретенная корона внушили его потомкам чувство солидарности и веру в особое предназначение, которые крепили с каждым поколением. У кого-то имелся сан курфюрста, пожалованный им современным императором, но Габсбурги были обязаны своим величием Юлию Цезарю и привилегиям, подтвержденным разными императорами на протяжении веков. И даже после смерти Габсбурги держались вместе – в новой усыпальнице, устроенной под собором Святого Стефана. Создав династию, Рудольф и впрямь стал «Основателем», как гласит зашифрованная надпись на его пустом саркофаге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

---

notes

СНОСКИ

Friedrich B. Polleross, 'Tradition und Recreation. Die Residenzen der österreichischen Habsburger in der frühen Neuzeit', *Majestas*, 6 (1998), 91–148 (100).

Matthias Müller, 'Der Anachronismus als Modernität. Der Wiener Hofburg als programmatisches Leitbilds für den frühneuzeitlichen Residenzbau im Alten Reich', in Krakau, Prag und Wien. Funktionen von Metropolen im frühmodernen Staat, ed. Marina Dmitrieva and Karen Lambrecht (Stuttgart, 2000), 313–29 (323); Luis Weckmann, *The Medieval Heritage of Mexico*, vol. 1 (New York, 1992), 577–81.

Ignaz von Mosel, Geschichte der kaiserl. königl. Bibliothek zu Wien (Vienna, 1835), 73–4, 96, 104–5.

Johannes Frimmel, "'Verliebte Dummheiten und ekelhafte Nuditäten.'" Der Verleger Johann Mösle, die Priapische Dichterlaune und der Erotika-Vertrieb im josephinischen Wien', *Das achtzehnte Jahrhundert*, 42, no. 2 (2018), 237–51.

Werner Telesko, *Geschichtsraum Österreich. Die Habsburger und ihre Geschichte in der bildenden Kunst des 19. Jahrhunderts* (Vienna, Cologne, and Weimar, 2006), 178; Mosel, *Geschichte der kaiserl. königl. Bibliothek*, 123–4.

Alphons Lhotsky, 'AEIOU. Die Devise Kaiser Friedrichs III. und sein Notizbuch', in Lhotsky, Aufsätze und Vorträge, vol. 2 (Vienna, 1971), 164–222 (172).

Mosel, Geschichte der kaiserl. königl. Bibliothek, 132.

Anna Coreth, *Pietas Austriaca* (West Lafayette, IN, 2004), 13–6.

9

Эта скульптура сейчас находится в главной столовой замка Габсбург.

Marie Tanner, *The Last Descendant of Aeneas: The Hapsburgs and the Mythic Image of the Emperor* (New Haven, CT, 1992), 122.

Paul Gwynne, "'Tu alter Caesar eris': Maximilian I, Vladislav II, Johannes Michael Nagonius and the Renovatio Imperii', *Renaissance Studies*, 10 (1996), 56–71.

Об Эразме Роттердамском и вселенском монархе см. Margaret Mann Phillips, *The 'Adages' of Erasmus: A Study with Translations* (Cambridge, 1964), 224–5, 243.

Urkundenbuch der Stadt Braunschweig, vol. 1, ed. Ludwig Hänselmann
(Brunswick, 1873), 294.

Martyn Rady, *Emperor Charles V* (Harlow, 1988), 36.

Otto Forst, AhnenTafel seiner kaiserlichen u. königlichen Hoheit des durchlautigsten Herrn Erzherzogs Franz Ferdinand von ÖsterreichEste (Vienna and Leipzig, 1910).

Harold Steinacker, 'Zur Herkunft und ältesten Geschichte des Hauses Habsburg', *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins*, NF 19 (1904), 181–244, 359–433 (233–8).

О реликвиях аббатства Мури см.: Acta Murensia. Die Akten des Klosters Muri mit der Genealogie der frühen Habsburger, ed. Charlotte Bretscher-Gisiger and Christian Sieber (Basle, 2012), 73–123.

Acta Murensia, 23; Albert Brackmann, Zur Geschichte der Hirsauer Reformbewegung im XII. Jahrhundert (Berlin, 1928), 6.

Acta Murensia, 300–3; Jean Jacques Siegrist, 'Die Acta Murensia und die Frühabsburger', *Argovia. Jahresschrift der Historischen Gesellschaft des Kantons Aargau*, 98 (1986), 5–21 (11).

Acta Murensia, 35–7; Brackmann, Zur Geschichte der Hirsauer Reformbewegung, 27; современное описание из Hans-Ulrich Stoldt, 'Rehpfeffer Radbot', in *Spiegel Geschichte*, 2009, no. 6 (digital edition).

J. Müller, Der Aargau. Seine politische, Rechts, Kultur und Sitten-Geschichte (Zurich, 1870), 418–46.

C. H. Herford, *The Age of Wordsworth* (London, 1945), 41.

Grete Klingenstein, 'The Meanings of "Austria" and "Austrian" in the Eighteenth Century', in *Royal and Republican Sovereignty in Early Modern Europe*, ed. Robert Oresko et al. (Cambridge, 1997), 423–78 (440); о графах Денби см. J. H. Round, *Studies in Peerage and Family History*, vol. 2 (London, 1901), 14–5.

О таможенных и пошлинах см. Fritz Glauser, 'Der internationale Gotthardtransit im Lichte des Luzerner Zentnerzolls von 1493 bis 1505', *Schweizerische Zeitschrift für Geschichte*, 18 (1968), 177–245 (182); о Виндише см. *Das Habsburgösterreichische Urbarbuch*, ed. Franz Pfeiffer (Stuttgart, 1850), 149.

Jörg Wettlaufer, *Das Herrenrecht des ersten Nacht. Hochzeit, Herrschaft und Heiratzins im Mittelalter und in der frühen Neuzeit* (Frankfurt a/M. and New York, 1999), 251; Johannes von Müller, *Die Geschichten Schweizerischer Eidgenossenschaft*, vol. 2 (Stuttgart and Tübingen, 1832), 157; Konrad Glaetli, *Sagen aus den Zürcher Oberland* (Winterthur, 1951), 20; Le Doyen Bridel, *Glossaire du Patois de la Suisse romande* (Lausanne, 1866), 121. Более общая информация – см. Tom Scott, 'Liberty and Community in Medieval Switzerland', *German History*, 13 (1993), 98–113 (101–2).

Werner Wild, 'Habsburger und Burgenbau in den "Vorderen Ländern"', in *Die Habsburger zwischen Aare und Bodensee*, ed. Peter Niederhäuser, 2nd ed. (Zurich, 2010), 34–60.

Пер. Б. Л. Пастернака.

Oswald Redlich, *Rudolf von Habsburg* (Innsbruck, 1903), 11, 17.

Peter Blickle, *Von der Leibeigenschaft zu den Menschenrechte. Eine Geschichte der Freiheit in Deutschland*, 2nd ed. (Munich, 2006), 76–8; Hans Erich Feine, 'Die Territorialbildung der Habsburger im deutschen Südwesten', *Zeitschrift der SavignyStiftung für Rechtsgeschichte (Germanistische Abteilung)*, 67 (1950), 176–308 (188).

ГЛАВА 2. СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЗОЛОТОЙ КОРОЛЬ

Пер. Е. Борисова.

О надписи в Кайзерсверте см. Barbara Haupt, Das Fest in der Dichtung. Untersuchungen zur historischen Semantiken eines literarischen Motivs in der mittelhochdeutschen Epik (Dusseldorf, 1989), 40.

Len Scales, *The Shaping of German Identity: Authority and Crisis, 1245–1414* (Cambridge, 2012), 234.

H. Salvador Martínez, *Alfonso X, the Learned: A Biography* (Leiden and Boston, 2010), 121–35; Armin Wolf, *Die Entstehung des Kurfürstenkollegs 1198–1298* (Idstein, 1998), 43–6; Björn Weiler, 'Image and Reality in Richard of Cornwall's German Career', *English Historical Review*, 113 (1998), 1111–42.

MGH SS, xxv, 350.

Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit. Annalen und Chronik von Kolmar, ed. H. Pabst (Berlin, 1867), 10–13.

О германской монархии и ее связях со Швабией и Франкнией см. Peter Moraw, 'Franken als königsnahe Landschaft im späten Mittelalter', *Blätter für deutsche Landesgeschichte*, 112 (1976), 123–38 (137–8).

Oswald Redlich, *Rudolf von Habsburg* (Innsbruck, 1903), 160–1.

О носе Рудольфа см. MGH, SS rer. Germ. in usum schol., xxxvi, Part 1, 247.

Суждения современников о Рудольфе см. в Othmar Schönhuth, *Anekdoten und Sprüche zur Charakteristik von König Rudolphi von Habsburg* (Canstatt, 1841), и *Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit*, 122. О Рудольфе и шахматах см. Wilhelm Wackernagel, 'Das Schachspiel im Mittelalter', in Wackernagel, *Kleinere Schriften*, vol. 1 (Leipzig, 1872), 107–27 (113). О коронационной речи см. Redlich, *Rudolf von Habsburg*, 168.

Характеристику правления Рудольфа см. в: Eckhard Müller-Mertens, 'Imperium und Regnum im Verhältnis zwischen Wormser Konkordat und Goldener Bulle', *Historische Zeitschrift*, 284 (2007), 561–95 (578).

Winfried Dotzauer, *Die deutschen Reichskreise (1383–1806)* (Stuttgart, 1998), 23–4; *Handbuch der Bayerischen Geschichte*, vol. 3 (Franken, Schwaben, Oberpfalz), ed. Max Spindler (Munich, 1971), part 2, 904 (by Adolf Layer).

Handbuch der Bayerischen Geschichte, vol. 3, part 1, 163 (by Alois Gerlich).

О сокровищах Отакара см. MGH SS, xviii, 571. See further, Jörg K. Hoensch, Přemysl Otakar II. von Böhmen. Der goldene König (Graz, 1989), 64, 80; MGH SS, ix, 187; Scales, *The Shaping of German Identity*, 92.

Jiří Kuthan, Přemysl Ottokar II. König, Bauherr und Mäzen (Vienna, Cologne, and Weimar, 1996), 31–49.

Johann Franzl, Rudolf I. Der erste Habsburger auf dem deutschen Thron (Graz, 1986), 120.

MGH SS, xvii, 249.

О надгробии Отакара см. Prague: The Crown of Bohemia 1347–1437, ed. Barbara Drake Boehm и Jiří Fajt (New York, 2005), 195.

Augustin Demski, Papst Nikolaus III (Münster, 1903), 175.

Пер. М. Л. Лозинского.

Dante, *Purgatorio*, 7.97–102.

Armin Wolf, Die Entstehung des Kurfürstenkollegs 1198–1298 (Idstein, 1998), 59–60.

Об Альбрехте как «неотесанном чурбане» см. MGH, Dt. Chron., ii, 331.

О Бонифации VIII см. Robert Folz, *The Concept of Empire in Western Europe: From the Fifth to the Fourteenth Century* (London, 1969), 207. О папской тиаре см. Edward Twining, *A History of the Crown Jewels of Europe* (London, 1960), 377–8. Об Альбрехте и Рудольфе см. *MGH SS*, xiii, 58.

MGH SS, xxx, part 1, 651; Peter Browe, 'Die angebliche Vergiftung Kaiser Heinrichs VII', *Historisches Jahrbuch*, 49 (1929), 429–38.

Die Goldene Bulle. Politik, Wahrnehmung, Rezeption, ed. Ulrike Hohensee et al., vol. 1 (Berlin, 2009), 150 (by Eva Schlotheuber).

Об Альбрехте Хромом см. Karl-Friedrich Krieger, *Die Habsburger im Mittelalter*, 2nd ed. (Stuttgart, 2004), 128–30. О Габсбургах как австрийцах см. *MGH SS rer. Germ. N.S.*, iv, 382. О наместниках см. Dieter Speck, *Kleine Geschichte Vorderösterreichs*, 2nd ed. (Karlsruhe, 2016), 48.

Gerhart B. Ladner, 'The Middle Ages in Austrian Tradition: Problems of an Imperial and Paternalistic Ideology', *Viator*, 3 (1972), 433–62 (436–40).

О живописных описаниях см. MGH, Dt. Chron., iii, 706–29. О Нориксе см. MGH SS, ix, 535.

О роде Колонна см. Alphons Lhotsky, Aufsätze und Vorträge, vol. 2 (Munich, 1971), 7–102. О двух братьях см. MGH, SS rer. Germ. N. S., iv, 8–9. О Кёнигсфельдской хронике см. Martin Gerbert, De translatis HabsburgoAustriacarum principum (St Blasien, 1772), 86–113. См. также Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters, 28 (1972), 432–4.

Тексты подложных грамот приводятся в *Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen*, 8 (1852), 108–19.

О Петрашке см. Quellensammlung zur österreichischen und deutschen Rechtsgeschichte, ed. Rudolf Hoke and Ilse Reiter (Vienna, Cologne and Weimar, 1993), 120–1.

О признании грамот Карлом IV см. Renate Spreitzer, 'Die Belehnungs- und Bestätigungsurkunden König Sigismunds von 1421 für Herzog Albrecht V. von Österreich', *MIÖG*, 114 (2006), 289–328 (304). О габсбургском титуловании см. Eva Bruckner, *Formen der Herrschaftsrepräsentation und Selbstdarstellung habsburgischer Fürsten in Spätmittelalter*, PhD thesis (University of Vienna, 2009), 27–8, 141, 154, 160, 168, 178, 184, 217.

Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte, 13 (1941–2), 210.

О рунах на саркофаге см. Bernhard Bischoff, 'Die nichtdiplomatischen Geheimschriften des Mittelalters', *MIÖG*, 62 (1954), 1–27 (12). Об облачении каноников см. *MGH, SS rer. Germ. N.S.*, xiii, 282.

Samuel Steinherz, 'Margareta von Tirol und Rudolf IV', *MIÖG*, 26 (1905), 553–611. Отношения Маргариты с ее советниками описаны в Alfons Huber, *Geschichte der Vereinigung Tirols mit Oesterreich* (Innsbruck, 1864), 215–9. О письме, свидетельствующем о согласии советников на наследование трона Рудольфом, см. *OeSta/HHStA*, UR AUR 1363. I. 26.

О вываривании тела Рудольфа см. Estella Weiss-Krejci, 'Restless Corpses: "Secondary Burial" in the Babenberg and Habsburg Dynasties', *Antiquity*, 75 (2001) 769–80 (775).